

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 5
май

2026 г.

*Выходит
ежемесячно*

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 8 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 12 марта 2026 г.

О внесении изменений в Регламент Верховного Суда Российской Федерации

Руководствуясь пунктом 13 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзацем шестым пункта 7 Регламента Верховного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2 (с учетом изменений, внесенных постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 года № 31 и от 25 ноября 2025 года № 31), Пленум Верховного Суда Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т**:

внести в пункт 4 Регламента Верховного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2 (с учетом изменений, внесенных постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 года № 31 и от 25 ноября 2025 года № 31), следующие изменения:

1) дополнить абзацем седьмым следующего содержания:

“участвуют по поручению руководства Верховного Суда в проведении занятий по повышению квалификации и профессиональной переподготовке судей в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования “Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева” в порядке служебного задания;”;

2) абзац седьмой считать абзацем восьмым.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.В. КРАСНОВ*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
О.К. ЗАТЕЛЕПИН*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. При разрешении спора по иску бывшего работника к работодателю о взыскании неполученного заработка в результате задержки работодателем выдачи трудовой книжки суду следует принимать во внимание, что длительное необращение работника к работодателю после увольнения за выдачей трудовой книжки может свидетельствовать об отсутствии у него реальной заинтересованности в ее получении и о наличии злоупотребления правом с его стороны

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 14 апреля 2025 г. № 18-КГ25-37-К4*

(Извлечение)

В. обратился в суд с иском к акционерной компании “АЛРОСА” (далее — АК “АЛРОСА”, работодатель) о взыскании неполученного заработка за период задержки выдачи трудовой книжки в размере 1 559 478,45 руб., убытков в виде денежных средств, потраченных на приобретение авиабилетов, компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований В. указывал, что на основании трудового договора от 22 июня 2010 г. он был принят в АК “АЛРОСА” на работу вахтовым методом на должность вулканизаторщика, осуществлял трудовую деятельность в структурном подразделении работодателя. В п. 8.1 дополнительного соглашения от 15 декабря 2021 г. к трудовому договору указан адрес регистрации В. в Краснодарском крае и адрес его проживания в Республике Саха (Якутия).

9 декабря 2022 г. в период вахты В. совершил дисциплинарный проступок, в связи с чем 10 декабря 2022 г. руководитель — начальник цеха сообщил ему о предстоящем увольнении за нарушение трудовой дисциплины. 11 декабря 2022 г. им были даны письменные объяснения, и 12 декабря 2022 г. начальник цеха записал его на 13 декабря 2022 г. на борт самолета, направлявшегося из места нахождения производственной площадки и вахтового поселка в фактическое место нахождения работодателя — АК “АЛРОСА” для получения трудовой книжки. До издания работодателем приказа об увольнении и выдачи трудовой книжки 14 декабря 2022 г. В. улетел самолетом в г. Москву.

Приказом работодателя от 21 декабря 2022 г. В. уволен с работы на основании подп. “б” п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей — появление работника на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения).

В этот же день (21 декабря 2022 г.) работодателем на имя В. по его адресу в Республике Саха

(Якутия) телеграфом направлено уведомление о его увольнении 21 декабря 2022 г., а также о необходимости явиться в отдел оперативного учета работодателя по адресу его фактического нахождения или телеграммой сообщить свой адрес на территории Российской Федерации. Данное уведомление В. не получено.

В. приводел доводы о том, что задержка выдачи работодателем трудовой книжки лишила его возможности трудиться. В связи с неудачными попытками трудоустроиться В. 19 июня 2023 г. прибыл из г. Москвы по адресу работодателя в Республике Саха (Якутия) для получения трудовой книжки. 14 июля 2023 г. в отделе кадрового обеспечения работодателя В. лично получил трудовую книжку.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования В. о взыскании с АК “АЛРОСА” неполученного заработка за период задержки выдачи трудовой книжки в размере 1 370 176,20 руб., суд первой инстанции сослался на положения ст. 84¹ ТК РФ и исходил из того, что АК “АЛРОСА” не была исполнена обязанность по уведомлению В. о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправку ее по почте, поскольку такое уведомление было направлено работодателем В. по ненадлежащему адресу, тогда как из дополнительного соглашения от 15 декабря 2021 г. к трудовому договору от 22 июня 2010 г. следует, что местом жительства В. является Краснодарский край. Приняв во внимание представленное В. письмо главы крестьянского (фермерского) хозяйства о невозможности его трудоустройства в марте 2023 г. в данное фермерское хозяйство ввиду отсутствия у него трудовой книжки, суд первой инстанции сделал вывод о незаконности лишения В. возможности трудиться в связи с задержкой выдачи ему АК “АЛРОСА” трудовой книжки в период с 22 декабря 2022 г. по 19 июня 2023 г.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе АК “АЛРОСА”, согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установил нарушение судами норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что в настоящем деле существенные нарушения норм материального и процессуального права были допущены судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, и они выразились в следующем.

Согласно абз. 4 ст. 234 ТК РФ работодатель обязан возместить работнику не полученный им заработок во всех случаях незаконного лишения

его возможности трудиться. Такая обязанность, в частности, наступает, если заработок не получен в результате задержки работодателем выдачи работнику трудовой книжки, предоставления сведений о трудовой деятельности (ст. 66¹ ТК РФ), внесения в трудовую книжку, в сведения о трудовой деятельности неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника.

Исходя из нормативных положений ст.ст. 66, 84¹, 234 ТК РФ, Порядка ведения и хранения трудовых книжек, утвержденного приказом Минтруда России от 19 мая 2021 г. № 320н, учитывая разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации”, трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника, она предьявляется при заключении трудового договора и в нее вносятся в том числе сведения об увольнении работника. По общему правилу, прекращение трудового договора оформляется приказом работодателя, с которым работник должен быть ознакомлен под роспись. В случае, когда приказ о прекращении трудового договора невозможно довести до сведения работника или работник отказывается ознакомиться с ним под роспись, на приказе производится соответствующая запись. В день прекращения трудового договора работодатель обязан выдать работнику трудовую книжку и произвести с ним расчет. Если в день прекращения трудового договора выдать работнику трудовую книжку невозможно в связи с отсутствием работника либо его отказом от ее получения, работодатель обязан направить работнику уведомление о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправку ее по почте. Со дня направления указанного уведомления работодатель освобождается от ответственности за задержку выдачи трудовой книжки. По письменному обращению работника, не получившего трудовой книжки после увольнения, работодатель обязан выдать ее не позднее 3 рабочих дней со дня обращения работника. Невыдача трудовой книжки может препятствовать поступлению работника на другую работу.

Возможность наступления материальной ответственности работодателя перед работником за задержку выдачи трудовой книжки в виде возмещения работнику не полученного им заработка связана с виновным поведением работодателя, повлекшим нарушение трудовых прав работника в виде лишения его возможности трудиться, создания противоправными действиями работодателя препятствий к заключению работником с другим работодателем трудового договора и получению заработной платы. При реализации гарантий, предоставляемых Трудовым кодексом РФ работникам в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работников.

Соответственно, при рассмотрении требований работника о взыскании не полученного заработка на основании положений абз. 4 ст. 234 ТК РФ (в случае задержки работодателем выдачи работнику трудовой книжки при прекращении трудового договора) обстоятельствами, имеющими значение для их разрешения, являются такие обстоятельства, как соблюдение работодателем порядка оформления прекращения трудового договора с работником, факт виновного поведения работодателя, связанного с задержкой выдачи работнику трудовой книжки, обращение работника к другим работодателям с целью трудоустройства в период отсутствия трудовой книжки, факт отказа работнику в приеме на работу другими работодателями в указанный период по причине отсутствия у него трудовой книжки и наступившие последствия в виде лишения работника возможности трудоустроиться и получать заработную плату. Кроме того, при разрешении данной категории споров судом должно проверяться соблюдение сторонами трудовых отношений принципа запрета злоупотребления правом.

Суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований В. нормативные положения о порядке оформления работодателем прекращения трудового договора с работником, о материальной ответственности работодателя перед работником за задержку выдачи трудовой книжки к спорным отношениям применили неправильно, вследствие чего названные обстоятельства, имеющие значение для дела, не определили и не устанавливали, ограничившись ссылкой на неисполнение работодателем обязанности по уведомлению В. о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправку ее по почте.

Данный вывод судов первой и апелляционной инстанций в нарушение ст.ст. 56, 67 ГПК РФ (о доказательствах и доказывании, об оценке доказательств) сделан без надлежащей правовой оценки доводов представителя АК “АЛРОСА”, приводившихся при разрешении спора в судах первой и апелляционной инстанций, о том, что В. улетел в г. Москву до даты его увольнения и данный факт свидетельствует о недобросовестности со стороны В., что возлагает на него ответственность за неполучение уведомления работодателя о необходимости явиться в отдел кадров за трудовой книжкой либо сообщить адрес для отправки ее по почте. Кроме того, В. длительное время после увольнения не обращался к работодателю с письменным обращением о выдаче трудовой книжки, что исключило возможность самостоятельного направления работодателем трудовой книжки В. и свидетельствует об отсутствии у В., являющегося получателем с 7 декабря 2016 г. страховой пенсии по старости, реальной заинтересованности в получении трудовой книжки и о наличии злоупотребления правом с его стороны.

Суд первой инстанции вопреки положениям ч. 1 ст. 196, п. 2 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ (о вопросах, разрешаемых при принятии решения суда, требованиях к содержанию решения суда) не привел в решении мотивов, по которым отклонил назван-

ные доводы представителя АК «АЛРОСА». В судебном постановлении суда апелляционной инстанции в нарушение ст. 329 ГПК РФ также отсутствуют выводы по результатам рассмотрения данных доводов.

При таких обстоятельствах выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии оснований для удовлетворения исковых требований являются неправомерными.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Если соглашением об уплате алиментов на ребенка не предусмотрены меры ответственности за их неуплату, то применяются положения ст. 395 ГК РФ, а не п. 2 ст. 115 СК РФ, если таким соглашением не предусмотрено иное

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2024 г. № 5-КГ24-96-К2

(Извлечение)

К. обратилась в суд с иском к О. о взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов.

Как установлено судом, К. состояла с О. в зарегистрированном браке, в котором 4 января 2018 г. родилась дочь В.

7 марта 2019 г. между супругами заключено нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов на ребенка, согласно которому ответчик принял на себя обязательство по перечислению истцу алиментов на дочь в размере 25%, или 1/4 части доходов от основной, предпринимательской и иной деятельности.

31 мая 2019 г. брак между супругами расторгнут.

22 марта 2022 г. судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство, из которого следует, что по состоянию на 20 декабря 2022 г. у О. за период с 1 марта 2019 г. по 31 декабря 2021 г. имелась задолженность по алиментам.

Разрешая возникший спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из установленного факта ненадлежащего исполнения ответчиком своей обязанности по выплате алиментов на несовершеннолетнюю дочь, взыскав с него за несвоевременную уплату алиментов неустойку, установленную положениями п. 2 ст. 115 СК РФ.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что

судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 80 СК РФ родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно.

Родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) в соответствии с главой 16 СК РФ.

В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке (п. 2 ст. 80 СК РФ).

Учитывая специфику добровольной и принудительной форм реализации алиментных обязательств, законодатель был вправе предусмотреть различные правила к определению порядка установления ответственности за нарушение таких обязательств.

В соответствии с п. 2 ст. 115 СК РФ при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 1/10% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Таким образом, правила п. 2 ст. 115 СК РФ определяют порядок расчета и взыскания неустойки за несвоевременную уплату алиментов, взысканных на основании решения суда, в то время как К. просила суд взыскать с ответчика неустойку за просрочку выплаты алиментов, установленных нотариальным соглашением сторон.

Ответственность за несвоевременную уплату алиментов лица, обязанного уплачивать алименты по соглашению об их уплате, регулируется п. 1 ст. 115 СК РФ, согласно которому при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по соглашению об уплате алиментов, виновное лицо несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением.

Так, заключая соглашение об уплате алиментов и имея возможность на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения алиментного обязательства предусмотреть в этом соглашении соответствующие меры ответственности, в том числе неустойку (п. 1 ст. 330 ГК РФ), и определить ее размер, стороны алиментного обязательства реализуют тем самым свое право на свободу договора и добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным их соглашением, а на случай отсутствия таких правил — нормам Гражданского кодекса РФ, регулирующим ответственность за нарушение договорных обязательств (Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1452-О).

Как следовало из заключенного между К. и О. нотариального соглашения об уплате алиментов, каких-либо положений об ответственности лица, обязанного уплачивать алименты, за не-

своевременную их уплату соглашение не содержало.

В силу положений п. 1 ст. 101 СК РФ к заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок.

Нормы об ответственности за нарушение обязательств установлены главой 25 ГК РФ, в частности, включена ст. 395 ГК РФ об ответственности за неисполнение денежного обязательства.

Таким образом, к исполнению соглашения об уплате алиментов в части ответственности за несвоевременную их уплату в том случае, если данные меры не предусмотрены соглашением, должны применяться нормы гражданского, а не семейного законодательства.

С учетом изложенного предусмотренных законом оснований для расчета подлежащей взысканию с О. неустойки за несвоевременную уплату алиментов по правилам п. 2 ст. 115 СК РФ у суда не имелось.

Судом апелляционной инстанции и кассационным судом общей юрисдикции, проверявшими законность судебных актов нижестоящих инстанций, допущенные нарушения устранены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судами первой, апелляционной и кассационной инстанций судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. По общему правилу, плата за пользование земельным участком подлежит включению в размер арендной платы за пользование зданием (сооружением, помещением), расположенным на этом земельном участке

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 307-ЭС25-1444

(Извлечение)

Администрация (арендодатель) и победитель аукциона (арендатор) заключили договор аренды здания. В последующем арендодатель обратился в арбитражный суд с иском к арендатору о взыскании неосновательного обогащения в размере арендной платы за фактическое пользование земельным участком, на котором расположено здание.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требование арендодателя удовлетворил.

Суды пришли к выводу, что с момента возникновения права аренды на расположенное на

земельном участке здание у арендатора возникла обязанность вносить плату за фактическое пользование земельным участком.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В отсутствие в договоре аренды здания (сооружения, помещения) условия об обязанности арендатора вносить плату за пользование земельным участком отдельно от согласованной сторонами арендной платы, иного договора, предусматривающего внесение платы за пользование земельным участком, а также прямой нормы закона, обязывающей арендатора здания (строения, помещения) оплачивать пользование земельным участком, на котором расположен объект недвижимости и который необходим для его использования, отдельно от внесения арендной платы за пользование зданием (строением, помещением), в силу п. 2 ст. 654 ГК РФ согласованная сторонами договора арендная плата включает плату за пользование как объектом недвижимости, так и земельным участком под ним.

В связи с этим судам необходимо было проанализировать условия аукционной документации и договора аренды здания и установить, предполагалось ли помимо арендной платы за здание, являвшейся предметом аукциона, взимание платы за пользование земельным участком, на котором расположено данное здание, либо обязанность арендатора заключить договор аренды земельного участка.

Кроме того, если судом будет установлено, что по условиям аукционной документации и договора аренды здания или строения на арендатора возложена обязанность вносить плату за пользование землей, но при этом в данных документах не указана площадь земельного участка, передаваемого в пользование, суду необходимо исследовать вопрос о площади участка, занятого объектом недвижимости и необходимого для его использования (п. 1 ст. 652 ГК РФ).

При рассмотрении спора суды не исследовали вопросы о том, какая площадь земельного участка занята арендуемым зданием и необходима для его использования, осуществлял ли предприниматель фактическое использование участка большей площади, чем необходимо для эксплуатации арендуемого здания.

2. Право требования выплаченных страховщиком страхователю сверх убытков дополнительных сумм, предусмотренных договором имущественного страхования, не переходит к страховой организации в порядке суброгации при его предъявлении к причинителю вреда

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 августа 2025 г. № 305-ЭС25-4183

(Извлечение)

Между страхователем и экспедитором заключен договор транспортной экспедиции. При вы-

грузке товара было обнаружено его повреждение и недостача.

Полагая данное событие страховым случаем, страхователь обратился к страховщику с заявлением о выплате суммы страхового возмещения на основании заключенного между ними договора страхования грузов, в соответствии с которым страховая стоимость по внутренним перевозкам, осуществленным страхователем, определяется на основании товаросопроводительных документов, включая все обоснованные платежи, транспортные расходы плюс 10% от стоимости обоснованных платежей и транспортных расходов, если иное не оговорено до начала перевозки.

Страховщик выплатил страхователю сумму страхового возмещения, которая была определена на основании сюрвейерского отчета, после чего обратился к экспедитору с требованием о выплате денежных средств в порядке ст. 965 ГК РФ.

Отказ экспедитора в удовлетворении претензии явился основанием для обращения страховщика в арбитражный суд с иском о взыскании с экспедитора сумм в возмещение ущерба в порядке суброгации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования страховщика удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационную жалобу экспедитора, указала следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 965 ГК РФ, если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования.

Согласно подп. 1, 3 п. 1, пп. 3, 4 ст. 7 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ “О транспортно-экспедиционной деятельности” (далее — Закон № 87-ФЗ) экспедитор несет ответственность перед клиентом в виде возмещения реального ущерба за утрату или недостачу груза, принятого экспедитором для перевозки с объявлением ценности, в размере объявленной ценности или части объявленной ценности, пропорциональной недостающей части груза; за повреждение (порчу) груза — в размере суммы, на которую понижалась объявленная ценность, а при невозможности восстановления поврежденного груза — в размере объявленной ценности.

В договоре транспортной экспедиции может быть установлено, что наряду с возмещением реального ущерба, вызванного утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, экспедитор возвращает клиенту ранее уплаченное вознаграждение, если оно не входит в стоимость груза, в размере, пропорциональном стоимости утраченного, недостающего или поврежденного (испорченного) груза.

Наряду с возмещением реального ущерба и возвращением клиенту уплаченного им экспеди-

тору вознаграждения экспедитор обязан возместить клиенту упущенную выгоду в связи с утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, произошедшими по вине экспедитора.

В силу ст. 11 Закона № 87-ФЗ в договоре транспортной экспедиции может быть предусмотрен более высокий размер ответственности экспедитора по сравнению с установленным данным Законом или международным договором Российской Федерации размером ответственности. При этом соглашение об устранении имущественной ответственности экспедитора или уменьшении ее размеров, установленных Законом № 87-ФЗ, ничтожно.

Судами установлено, что стоимость поврежденного и утраченного груза, а также стоимость перевозки поврежденного груза определена на основании сюрвейерского отчета, положенного в основу определенного судами размера обязательства экспедитора, что последним не оспаривается и не обжалуется.

В то же время суды при удовлетворении исковых требований в полном объеме в нарушение ст.ст. 71, 170 АПК РФ не дали оценку возражениям экспедитора относительно включения в состав убытков, подлежащих возмещению в порядке суброгации, предусмотренной договором страхования дополнительной суммы в размере 10% от стоимости обоснованных платежей и транспортных расходов.

В результате этого остались не исследованными судами вопросы о том, входила ли спорная сумма в объем прав требования страхователя к экспедитору, какова ее правовая природа и каковы основания ее взыскания в пользу страховщика.

Сама по себе выплата страховщиком суммы страхового возмещения определяет лишь предельный размер его права требования в порядке суброгации, однако она не порождает автоматическую обязанность лица, ответственного за убытки, возместить данную сумму страховщику.

Судами не учтено, что в результате наступления страхового случая возникло два самостоятельных обязательства у различных субъектов, основания которых также определяются по-разному: у страховщика — согласно условиям договора страхования, у экспедитора — на основании приведенных норм и договора транспортной экспедиции, следовательно, страховое возмещение и возмещение вреда не являются тождественными понятиями.

Согласно ст. 387 ГК РФ при суброгации происходит лишь перемена лица (кредитора) в обязательстве в силу закона, а именно в рассматриваемом деле — в обязательстве должника (экспедитора), ответственного за наступление страхового случая, возместить кредитору реальный ущерб, вызванный утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, а также произвести иные предусмотренные договором и ст. 7 Закона № 87-ФЗ платежи.

Судам необходимо было учесть, что на объем причиненного виновником вреда не влияет договорное обязательство страховщика, а вопрос, в

каком объеме им было осуществлено страховое возмещение по договору страхования, подлежал исследованию лишь для установления того, в каком предельном размере в силу положений ст. 965 ГК РФ к страховой компании перешло принадлежавшее страхователю право требования к причинителю вреда.

С учетом изложенного принятые судебные акты в части взыскания дополнительной суммы в размере 10% в соответствии с договором страхования отменены, а дело в указанной части направлено на новое рассмотрение.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспариваемый частично п. 3 изменений, которые вносятся в Положение о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, утвержденное постановлением Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257 “Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 22 мая 2024 г. № 634, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 июня 2025 г. № АКПИ25-147, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 октября 2025 г. № АПЛ25-278

2. Пункты 1—3, подп. “а”, “г”, “д” п. 4 изменений, которые вносятся в постановление Правительства РФ от 4 июля 2018 г. № 783 “Об осуществлении заказчиком списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением в 2015, 2016, 2020 и 2021 годах обязательств, предусмотренных контрактом”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 340, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 28 мая 2025 г. № АКПИ25-181, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № АПЛ25-288

3. Письмо Минздрава России от 4 августа 2020 г. № 28-5/И/2-10998 признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 июля 2025 г. № АКПИ25-248, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 октября 2025 г. № АПЛ25-284

4. Подпункты “е”, “к” п. 19 Правил заключения, исполнения, изменения, расторжения договора о порядке ликвидации на основании решений штаба по обеспечению безопасности электроснабжения последствий аварийных ситуаций на объектах электросетевого хозяйства, а также об использовании объектов электросетевого хозяйства в случае несоответствия владельца объектов электросетевого хозяйства критериям отнесения к территориальным сетевым организациям, установленным Правительством Российской Федерации, или его отказа от осуществления деятельности в качестве территориальной сетевой организации для оказания услуг по передаче электрической энергии либо технологического присоединения энергопринимающих устройств или объектов электроэнергетики, подп. 3.5.3—3.5.8 п. 3.5, пп. 6.2, 6.5 типовой формы соглашения между системообразующей территориальной сетевой организацией, территориальной сетевой организацией, собственником принадлежащих территориальной сетевой организации объектов электросетевого хозяйства (если у территориальной сетевой организации отсутствуют права на передачу прав владения и пользования объектами электросетевого хозяйства), а также штабом по обеспечению безопасности электроснабжения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2024 г. № 1229, подп. “а” п. 2 приложения № 1 (в части) и подп. 3.5.3—3.5.8 п. 3.5, пп. 6.2, 6.5 приложения № 2 к данным Правилам признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 августа 2025 г. № АКПИ25-444, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 ноября 2025 г. № АПЛ25-332

5. Пункты 2.24—2.28, 3.24 Федеральных авиационных правил “Требования к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, выполняющим авиационные работы, включенные в перечень авиационных работ, предусматривающих получение документа, подтверждающего соответствие требованиям федеральных авиационных правил юридического лица, индивидуального предпринимателя. Форма и порядок выдачи документа (сертификата эксплуатанта), подтверждающего соответствие юридического лица, индивидуального предпринимателя требованиям федеральных авиационных правил. Порядок приостановления действия, введения ограничений в действие и аннулирования сертификата эксплуатанта”, утвержденных приказом Минтранса России от 19 ноября 2020 г. № 494, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2025 г. № АКПИ25-529, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 ноября 2025 г. № АПЛ25-333

6. Абзац 3 п. 13 порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, установленного приказом Росреестра от 7 декабря 2023 г. № П/0514, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 июля 2025 г. № АКПИ25-223, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № АПЛ25-287

7. Оспариваемое частично Приложение № 7 к ведомственным строительным нормам ВСН 58-88 (р) “Положение об организации и проведении реконструкции, ремонта и технического обслуживания зданий, объектов коммунального и социально-культурного назначения”, утвержденным приказом Государственного комитета по архитектуре и градостроительству при Госстрое СССР от 23 ноября 1988 г. № 312, признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 июля 2025 г. № АКПИ25-236, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № АПЛ25-286

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Умышленные действия лица, повлекшие причинение смерти, совершенные при защите от общественно опасного посягательства, связанного с угрозой применения нападавшим ножа и нанесением потерпевшему ударов топором в область головы, если при этом было допущено превышение пределов необходимой обороны, подлежат квалификации по ст. 108 УК РФ

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2024 г. № 18-УД23-44-К4

(Извлечение)

По приговору Павловского районного суда Краснодарского края от 31 мая 2022 г. М. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Судами апелляционной и кассационной инстанций приговор оставлен без изменения.

М. признан виновным в убийстве Д.

В кассационной жалобе адвокат в защиту осужденного М. просил переквалифицировать действия М. на ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку, по мнению адвоката, описательно-мотивировочная часть приговора содержит взаимоисключающие выводы об обстоятельствах и мотивах применения М. насилия к потерпевшему.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и последующие судебные решения изменила, отметив следующее.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все со-

бранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Приведенные выше правила оценки доказательств судом нарушены, что привело к неправильной квалификации действий осужденного.

Суд, исследовав доказательства, установил, что у М., находившегося возле своего домовладения, возник конфликт с ранее знакомым ему Д. на почве личных неприязненных отношений, в ходе которого М. нанес Д. ножом не менее восьми ударов в область грудной клетки, шеи и живота, причинив ранения, повлекшие тяжкий вред здоровью потерпевшего, в результате чего Д. скончался от полученных телесных повреждений.

Действия М. суд квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

М. не отрицал факт причинения ножом телесных повреждений Д., но последовательно утверждал, что защищался от преступного посягательства со стороны Д., который пытался нанести ему удары топором.

М. пояснил, что в вечернее время к его домовладению приехал Д., находившийся в состоянии алкогольного опьянения, стал предъявлять претензии его отцу. Когда с ножом в руке Д. начал приближаться к отцу, М. забрал нож у Д. и отбросил в сторону. Затем Д. сел за руль своего автомобиля и наехал на металлические ворота домовладения, ворота упали на мать. Тогда М. взял топор, находившийся у калитки, и нанес им удар по лобовому стеклу автомобиля, топор оказался в автомобиле. Отец открыл водительскую дверь автомобиля, а Д. в это время резко тронулся с места задним ходом, задел отца дверью, тот упал под переднее колесо автомобиля и оказался зажат между колесом и столбом ЛЭП. М. оттолкнул автомобиль в сторону и оттащил отца, к которому подбежала мать. Д. вышел из автомобиля с топором и стал замахиваться в его сторону, М. попытался отобрать у него топор, но Д. нанес ему повреждения топором в область правой брови и в область шеи. Тогда он достал нож, при попытке Д. нанести удар топором он заблокировал удар, и нанес Д. удары ножом в область груди, после чего тот сел в автомобиль и уехал.

Показания М. о том, что Д. замахивался на него топором, причинил рубленые раны в области лица и шеи, суд отверг. По мнению суда, Д. не мог угрожать топором М. после того, как его отец был прижат к столбу автомобилем, поскольку топор к этому времени распался на части.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась с приведенными выводами суда по следующим основаниям.

Свидетели — родители М. не видели момента нападения Д. с топором на их сына, указав на причины, которые не позволяли им наблюдать происходящее: отец испытывал боль и терял сознание (ему были причинены переломы ребер и костей таза, повлекшие вред здоровью средней тяжести), а мать М. находилась возле мужа, звала на помощь.

Между тем суд в нарушение положений ст. 88 УПК РФ дал оценку показаниям родителей М.

как опровергающим доводы последнего о защите от посягательства без учета названных свидетелем обстоятельств, в которых они оказались после того, как отец М. был травмирован.

То, что свидетели давали достоверные показания, а факт нападения Д. на М. с применением топора имел место, следует из показаний свидетеля К., который подошел к месту происшествия после того, как Д. уехал, и увидел, что у М. голова и одежда были в крови, на лице имелись раны. М. ему пояснил, что его ударили топором.

Согласно заключению эксперта у М. были обнаружены: рана в надбровной области, ссадина и рана на боковой поверхности шеи, оцененные как причинившие легкий вред здоровью. Механизмом образования ран является травмирующее воздействие рубящего предмета, не исключена возможность, что им мог быть топор. На месте происшествия был изъят единственный рубящий предмет — топор.

Приведенные доказательства подтверждают достоверность показаний М. о том, что после того, как его отец был извлечен из-под автомобиля, Д. нанес М. топором телесные повреждения в области головы и шеи, а М. при этом защищался от посягательства со стороны потерпевшего.

Таким образом, квалификация действий М. как убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, дана судом без учета доказательств, имеющих важное значение для дела, и не соответствует установленным фактическим обстоятельствам.

В соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

Из показаний М. следует, что после неудачных попыток отбить удары Д., в результате которых он получил два рубленых ранения, он достал из кармана нож. При попытке Д. нанести удар топором ему удалось заблокировать удар, и только после этого он нанес Д. удары ножом в область груди.

Из протокола осмотра места происшествия видно, что топор был обнаружен распавшимся на части: металлическая часть в автомобиле Д., а деревянная ручка на земле возле дома семьи М.

Исходя из данных доказательств предмет, используемый Д. с целью применения в отношении М. насилия, опасного для жизни, после двух попыток его использования распался на части.

При таких обстоятельствах можно сделать вывод о том, что М. осознавал, что дальнейшие действия со стороны Д. не будут сопряжены с насилием, опасным для его жизни и с непосредственной угрозой применения такого насилия в отношении его родителей. Однако, несмотря на данные обстоятельства, М. нанес Д. ножевые ранения, что явно не соответствовало характеру и

опасности последующего посягательства со стороны потерпевшего.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы Д. скончался через непродолжительное время после нанесения ему ножевых ранений.

С учетом изложенного действия М. следовало оценивать как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, апелляционное определение и кассационное определение в отношении М.: переквалифицировала его действия с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ.

2. Действия лица, не участвовавшего в краже, но по заранее достигнутой с исполнителем кражи договоренности осуществлявшего поиск места сбыта похищенных предметов, дальнейшую перевозку этих вещей и их сдачу в ломбард, следует квалифицировать как пособничество в совершении кражи

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 30 ноября 2023 г. № 5-УД23-106-А1*

(Извлечение)

По приговору Московского городского суда от 1 марта 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Н., ранее судимая, осуждена в том числе по пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

По этому же приговору К., ранее судимый, осужден по п. “а” ч. 2 ст. 105, по пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденная Н. оспаривала приговор, считая его незаконным, необоснованным и несправедливым, указывала в том числе на то, что ее вина в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ, не подтверждена, поскольку суд необоснованно сослался на ее показания, данные под психологическим давлением со стороны работников следственных органов. Н. настаивала на версии, что К. принял решение о краже из квартиры Г. самостоятельно, а о содеянном она узнала уже после совершения кражи, просила переквалифицировать ее действия на ч. 1 ст. 175 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и апелляционное определение в отношении Н. оставила без изменения ввиду следующего.

Судом первой инстанции обоснованно положены в основу приговора показания осужденного К., данные им на предварительном следствии, в том числе в ходе очной ставки с Н., и подтвержденные в ходе проверки его показаний на месте, о том, что 24 февраля 2022 г. он убил из личных неприязненных отношений своих соседей — супругов Г. во время распития спиртного в квартире, где он проживал с Н. Он рассказал вернувшейся в квартиру Н. об убийстве и о том, что видел в квартире Г. бытовую технику и иное

ценное имущество, которое он решил похитить, предложив Н. помочь ему потом продать или сдать в ломбард похищенное. На его предложение Н. согласилась. В тот же день он вернулся в квартиру супругов Г., откуда похитил имущество потерпевших. К. и Н. нашли с помощью телефона последней в сети “Интернет” адрес ближайшего ломбарда, куда сдали часть похищенного. На следующий день он с Н. вызвали грузовое такси, вновь проехали в тот же ломбард, где сдали другую часть похищенного имущества. Остальные похищенные вещи он также куда-то реализовал, а часть выкинул.

Из признанных судом достоверными показаний Н., данных ею в ходе предварительного следствия и подтвержденных в ходе очной ставки с К., усматривается, в частности, что, вернувшись домой, она узнала от К., что он в ходе конфликта с соседями — супругами Г. убил их. Также К. сказал ей, что хочет забрать из их квартиры их имущество, а ей предложил помочь ему это имущество потом сбыть или сдать в ломбард. Она согласилась ему помочь. Совместно они сдали похищенные вещи в ломбард.

Изложенные обстоятельства подтверждаются также протоколами проверки показаний на месте с участием Н., в ходе которой она подробно описала, где К. разместил похищенное у потерпевших имущество, а также указала, что К. рассказал ей, что планирует совершить кражу, и что ему надо будет помочь сбыть эти вещи.

Несостоятельными являются доводы о необходимости квалификации действий Н. по ст. 175 УК РФ как заранее не обещанный сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

В силу ч. 5 ст. 33 УК РФ лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем, признается пособником, что соответствует разъяснениям, содержащимся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”, согласно которым действия лица, непосредственно не участвовавшего в хищении чужого имущества, но содействовавшего совершению этого преступления, в том числе заранее обещавшего приобрести или сбыть похищенное, надлежит квалифицировать как соучастие в содеянном в форме пособничества.

Исходя из установленных обстоятельств дела, суды первой и апелляционной инстанций пришли к обоснованному выводу о том, что умысел на совершение хищения имущества из квартиры потерпевших возник у К. после совершения их убийства. Перед проникновением в их квартиру К. сообщил о своих намерениях Н. и предложил ей оказать содействие в дальнейшей реализации и перемещении предметов, которые он запланировал похитить. Н., согласившись на предложение К., впоследствии помогала ему в перевозке похищенных вещей и сдаче их в ломбард, который осужденные подыскивали, используя телефон Н.

Таким образом, действия Н. полностью соответствовали договоренности, достигнутой с К. до совершения хищения, и свидетельствуют об ее осведомленности о том, что она содействовала хищению имущества убитых потерпевших путем подыскания места возможного сбыта и помощи в перемещении предметов, добытых преступным путем, на что и рассчитывал осужденный К.

При таких обстоятельствах суд правильно квалифицировал указанные действия Н. по ч. 5 ст. 33, пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

3. Изъятие сотрудником правоохранительного органа у юридического лица копий товаросопроводительных документов, в том числе относящихся к ранее реализованной продукции, не свидетельствует о воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2024 г. № 18-УД23-45-К4

(Извлечение)

По приговору мирового судьи судебного участка № 177 Мостовского района Краснодарского края от 18 октября 2022 г. Б. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления. За Б. признано право на реабилитацию.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Постановлением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г. отменены приговор и апелляционное постановление в отношении Б., уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение.

В кассационной жалобе адвокат в защиту Б. просил отменить кассационное постановление, полагая, что суд кассационной инстанции дал иную оценку доказательствам, которые были исследованы в суде первой инстанции и получили оценку в оправдательном приговоре, истолковал все сомнения в виновности Б. в пользу стороны обвинения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы кассационной жалобы, пришла к следующим выводам.

Кассационный суд общей юрисдикции в постановлении указал, что судом первой инстанции оставлены без оценки доказательства, свидетельствующие об отсутствии у Б. оснований для проведения осмотров места происшествия и проверки по заявлению А., и признал необоснованными выводы мирового судьи о том, что в изъятых товаросопроводительных документах на алкогольную продукцию содержались сведения о реализованной продукции.

Данные выводы суда кассационной инстанции не могут быть признаны состоятельными.

Мировым судьей правильно указано в приговоре, что объективной стороной инкриминированного Б. преступления являются незаконные действия, препятствующие либо создающие препятствие законной предпринимательской деятельности или иной деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя, при этом к обязательным признакам состава данного преступления относится способ его совершения — использование должностным лицом своего служебного положения.

Исследованные судом доказательства не свидетельствуют о наличии в действиях Б. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169 УК РФ.

Мировым судьей установлено, что основанием для проведения Б. проверки в порядке ст.ст. 144—145 УПК РФ явилось заявление А. по факту его отравления коньяком в кафе “Елена” (обособленное подразделение ООО “Ю.С. К2”¹), в связи с чем он обратился в больницу, где его осмотрели и выдали справку с указанием диагноза “острый гастрит”. Заявление А. было зарегистрировано в полиции, проведение проверки по заявлению поручено Б., который провел осмотры места происшествия, в частности помещения кафе “Елена” в ночное время, где Б. были изъяты документы и алкогольная продукция.

Вопреки утверждению суда кассационной инстанции тот факт, что в представленной А. при обращении в органы полиции справке отсутствовали сведения об отравлении А. алкоголем, не опровергает пояснения А. о его отравлении после покупки и употребления алкогольной продукции в указанном кафе, в связи с чем у Б. имелись предусмотренные законом основания для проведения по данному заявлению процессуальной проверки, включая осмотр места происшествия.

Свидетель Д. — хирург больницы сообщил, что, осмотрев А., поставил ему диагноз “острый гастрит”, который имел сходство с пищевым отравлением, в том числе и отравлением алкоголем.

Суд кассационной инстанции указал, что в ходе осмотра места происшествия Б. были изъяты оригиналы товаросопроводительных документов на алкогольную продукцию, отсутствие которых лишало ООО “Ю.С. К2” возможности реализовывать алкогольную продукцию, без этих документов продукция считалась находящейся в незаконном обороте. Изъятие в ходе осмотра места происшествия оригиналов документов, по мнению суда кассационной инстанции, подтверждалось показаниями потерпевшей Ч., свидетеля П. и других, и данным обстоятельствам судом первой инстанции не была дана надлежащая оценка.

Вместе с тем вывод суда кассационной инстанции противоречит как предъявленному Б. обвинению, в котором отсутствует указание на

изъятие Б. в ходе осмотра места происшествия оригиналов документов, так и протоколу осмотра места происшествия, согласно которому изъяты заверенные копии документов (расходных накладных, счетов-фактур, товарных накладных и т.п.).

Вопреки утверждению кассационного суда общей юрисдикции показаниями потерпевшей Ч. и свидетеля П. подтверждается только факт изъятия Б. перечисленных документов, а не изъятие оригиналов этих документов.

Свидетель К. — главный консультант департамента потребительской сферы и регулирования рынка алкоголя Краснодарского края пояснила, что документы, подтверждающие легальность алкогольной продукции, выдаются в единичном экземпляре и находятся в основной организации, а в обособленных подразделениях (к которому относится кафе “Елена”) находятся заверенные копии этих документов.

Судом первой инстанции достоверно установлено, что в ходе осмотра места происшествия в кафе “Елена” у Ч. были изъяты копии документов, перечисленные в обвинительном заключении, являющиеся сопроводительными документами и удостоверяющими легальность оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Изъятые Б. в ходе осмотра места происшествия документы на алкогольную продукцию относились к сопроводительным документам на реализованную по состоянию на 13 апреля 2019 г. продукцию и, вопреки выводам суда кассационной инстанции, не отражали осуществление финансово-хозяйственной деятельности обособленного подразделения организации за период с 13 апреля по 20 июня 2019 г.

Данные обстоятельства позволили суду первой инстанции прийти к обоснованному выводу о том, что изъятые в ходе осмотра места происшествия документы не могли повлечь событий и последствий, указанных в предъявленном Б. обвинении, т.е. лишить обособленное подразделение организации права вести законную предпринимательскую деятельность.

Выводы суда кассационной инстанции о неосуществлении ООО “Ю.С. К2” деятельности по продаже алкогольной продукции в указанный период не основаны на материалах дела.

Мировой судья обоснованно пришел к выводу о том, что в действиях Б. отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169 УК РФ.

Иная оценка судом кассационной инстанции доказательств, содержащихся в приговоре, надлежало оценить и обусловивших выводы суда относительно фактических обстоятельств дела, не может служить основанием для отмены принятого судом по делу окончательного решения с целью ухудшения положения осужденного.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное постановление, приговор и апелляционное постановление в отношении Б. оставила без изменения.

¹Наименование организации сокращено.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Условное освобождение от наказания лиц, указанных в ч. 1 ст. 80² УК РФ, распространяется как на основное, так и на дополнительное наказание

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 17 июля 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору Балтийского гарнизонного военного суда от 9 сентября 2024 г. Ч. осужден по ч. 5 ст. 286 УК РФ к лишению свободы на срок десять лет в исправительной колонии строгого режима с лишением на срок пять лет права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением организационно-распорядительных полномочий, и с лишением на основании ст. 48 УК РФ воинского звания “старший лейтенант”.

Апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 11 февраля 2025 г. приговор в отношении Ч. изменен, назначенное наказание в виде лишения свободы смягчено до девяти лет.

При этом суд, удовлетворив ходатайство командования воинской части, постановил на основании ч. 1 ст. 80² УК РФ и ч. 2¹ ст. 389²⁶ УПК РФ освободить Ч. условно от назначенного наказания в виде лишения свободы.

Рассмотрев дело по кассационному представлению прокурора, кассационный военный суд апелляционное определение изменил, указав в обоснование следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 80² УК РФ лицо, отбывающее наказание за совершение преступления, кроме преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено ч. 1 ст. 78¹ УК РФ, призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ, освобождается от наказания условно.

Положения данной нормы уголовного закона распространяются как на основное, так и на дополнительное наказание.

В то же время, применяя ч. 1 ст. 80² УК РФ в связи с поступлением ходатайства командования воинской части, суд апелляционной инстанции ошибочно принял решение об условном освобождении Ч. только от основного наказания в виде лишения свободы. От дополнительных наказаний в виде лишения права занимать определенные должности и лишения воинского звания Ч. освобожден не был, что свидетельствует о нарушении уголовного закона.

2. При назначении наказания в соответствии со ст. 70 УК РФ вид исправительного учреждения определяется с учетом приговора, наказание по которому подлежит присоединению к назначенному наказанию по рассматриваемому делу

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 25 июля 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору Тверского гарнизонного военного суда от 25 октября 2024 г. Б., судимый по приговору Кувшиновского районного суда Тверской области от 15 апреля 2016 г. по ч. 2 ст. 228 и п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к лишению свободы на срок десять лет шесть месяцев в исправительной колонии строгого режима (6 октября 2023 г. от отбывания данного наказания Б. освобожден на основании ст. 80² УК РФ, неотбытая часть наказания составила два года восемь месяцев тринадцать дней), осужден по пп. “а”, “в” ч. 4 ст. 264 УК РФ к лишению свободы на срок семь лет с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на срок два года шесть месяцев.

На основании ст. 70 УК РФ окончательное наказание Б. назначено по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 15 апреля 2016 г. в виде лишения свободы на срок девять лет в исправительной колонии строгого режима с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на срок два года шесть месяцев.

Апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 11 февраля 2025 г. приговор изменен, назначенное Б. с применением ст. 70 УК РФ окончательное основное наказание в виде лишения свободы в соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 58 УК РФ определено отбывать в исправительной колонии общего режима.

В остальной части приговор оставлен без изменения.

Рассмотрев дело по представлению прокурора, кассационный военный суд апелляционное определение окружного военного суда отменил и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в окружной военный суд, указав в обоснование следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда.

Согласно пп. 13 и 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 “О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений” при назначе-

нии вида исправительного учреждения учитываются неснятые и непогашенные судимости лица на момент совершения преступления. Назначая лицу наказание в виде лишения свободы по совокупности преступлений или по совокупности приговоров, суд должен назначить ему вид исправительного учреждения в соответствии с требованиями ст. 58 УК РФ после определения окончательной меры наказания.

На основании изложенного при определении вида исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы, назначаемого в порядке ст. 70 УК РФ, суд должен исходить из совокупности всех имеющих значение для выполнения требований ст. 58 УК РФ обстоятельств, в том числе установленных приговором, наказание по которому подлежит присоединению к назначенному наказанию по рассматриваемому делу.

Вопреки приведенным требованиям уголовного закона и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ окружной военный суд необоснованно изменил назначенный судом первой инстанции осужденному вид исправительного учреждения на менее строгий.

3. Если на момент вынесения приговора конфискация имущества невозможна вследствие его использования, суд принимает решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 4 сентября 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору Воронежского гарнизонного военного суда от 6 декабря 2024 г. с учетом изменений, внесенных апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 10 февраля 2025 г., П. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных пп. “б”, “в” ч. 5 ст. 290 УК РФ, п. “в” ч. 5 ст. 290 УК РФ, к окончательному наказанию в виде лишения свободы на срок пять лет.

Рассмотрев дело по представлению прокурора, кассационный военный суд приговор и апелляционное определение отменил в части разрешения вопроса о конфискации имущества и передал уголовное дело в этой части на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Принятое решение кассационный военный суд обосновал следующим.

В силу п. 5 ст. 307 и п. 10¹ ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора разрешению подлежат вопросы о конфискации имущества, добытого преступным путем.

В соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения престу-

плений, в том числе и предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 104² УК РФ, если конфискация определенного предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104¹ УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

Соответствующее разъяснение содержится в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 “О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве”.

По делу установлено, что П. получены взятки в виде денег в общем размере 1 650 000 руб., из которых 1 000 000 руб. у него был изъят, передан на хранение в полевое учреждение Банка России и по приговору обращен в доход государства без указания на предусмотренную п. “а” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ обязательную конфискацию.

Арест, наложенный на имущество П., оставлен до обращения в доход государства суммы в 650 000 руб., полученной им в качестве взятки, также без указания на применение конфискации в отношении данной суммы в соответствии с приведенными положениями уголовного закона.

Таким образом, вопрос о конфискации денежных средств, полученных П. в виде взяток, или о конфискации эквивалента этих денежных средств судом в соответствии со ст. 104¹ УК РФ разрешен не был, что повлекло отмену приговора и апелляционного определения.

4. Представление обвиняемым органом предварительного расследования информации, которая имела существенное значение для дела и непосредственно повлияла на дальнейший ход и результаты его расследования, является основанием для признания в его действиях активного содействия раскрытию и расследованию преступления

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 10 июля 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору 2-го Восточного окружного военного суда от 1 октября 2024 г. Н. осужден по п. “а” ч. 2 ст. 281 УК РФ (в ред. Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 195-ФЗ) к лишению свободы на срок тринадцать лет.

Рассмотрев дело по апелляционному жалобам осужденного и его защитника, апелляционный военный суд приговор изменил, признал обстоятельством, смягчающим наказание Н., активное содействие расследованию преступления и смягчил назначенное наказание.

В обоснование принятого решения апелляционный военный суд указал следующее.

В соответствии с п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающим обстоятельством признается в том числе

активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, активное содействие раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, если лицо о совершенном с его участием преступлении либо о своей роли в преступлении представило органам дознания или следствия информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления.

По делу установлено, что при допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого Н. подробно и последовательно сообщал о своей причастности к инкриминируемым противоправным действиям, об их мотивах и целях, дал показания о лицах, в соучастии с которыми им совершено преступление, описал конкретные действия, совершенные каждым из них, способ и использованные орудия совершения преступления.

Таким образом, Н. сотрудникам правоохранительных органов на первоначальном этапе предварительного следствия была представлена информация, которая имела существенное значение для данного дела и непосредственно повлияла на дальнейший ход и результаты его расследования.

Эти показания Н. были признаны судом достоверными и в совокупности с иными объективными данными положены в основу обвинительного приговора.

Такое поведение Н. вне зависимости от позиции, занятой им в свою защиту в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, свидетельствует об активном содействии расследованию преступлений и о наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ.

5. Сроки давности, предусмотренные ст.ст. 78 и 83 УК РФ, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 3 июля 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору 2-го Западного окружного военного суда от 20 февраля 2025 г. О. осужден, помимо прочего, по ч. 1 ст. 226¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ) к лишению свободы на срок четыре года.

Апелляционный военный суд, рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, приговор изменил, исключил осуждение О. по ч. 1 ст. 226¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ), прекратил уголовное дело в связи с истечением срока давности уголовного преследования, указав в обоснование следующее.

Совершенное О. 9 января 2017 г. преступление в соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ относится к категории тяжких.

На основании п. “в” ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, если со дня совершения тяжкого преступления истекло десять лет.

Согласно ст. 94 УК РФ сроки давности, предусмотренные ст.ст. 78 и 83 УК РФ, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

По делу установлено, что преступление совершено О. в несовершеннолетнем возрасте и в соответствии с приведенной нормой уголовного закона на момент рассмотрения дела окружным военным судом срок давности привлечения О. к уголовной ответственности истек, что не было учтено судом при постановлении обвинительного приговора.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2025)¹

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

29. Действия виновного, связанные с удержанием потерпевшего в процессе непосредственного применения другим лицом насилия, направленного на лишение жизни, квалифицируются как соисполнительство в убийстве.

По приговору Московского городского суда от 15 июня 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции,

Ю., ранее судимый, осужден по пп. “а”, “в”, “ж”, “к” ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ.

По этому же приговору осужден С.

В кассационной жалобе и дополнениях к ней осужденный Ю. выражал несогласие с оценкой его действий как соисполнителя убийства К.А., поскольку он держал потерпевшего, чтобы тот успокоился. С. душил потерпевшего один, осужденный Ю. не видел этих действий, а также нанесения С. ударов ножом. Ю. просил квалифицировать его действия с применением ч. 5 ст. 33 УК РФ как пособника в убийстве К.А. Кроме того, Ю. утверждал, что не принимал участия в

¹Окончание. Начало в № 4, 2026 г.

убийстве К.Г., на ноги которой облокотился случайно в тот момент, когда С. ее душил.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, оставляя приговор и апелляционное определение в отношении Ю. без изменения, указала следующее.

Из показаний Ю. на предварительном следствии следует, что во время конфликта между С. и потерпевшим К.А. он решил помочь С. Они (С. и Ю.) прижали К.А. спиной к полу, после чего Ю. стал удерживать ноги, а С. сел сверху на потерпевшего и продолжил наносить тому удары, в процессе которых был слышен звук раскрытия канцелярского ножа. После нанесения ударов К.А. перестал подавать признаки жизни. Утром пришла К.Г., стала кричать, С. сбил ее с ног, сел сверху и стал душить проводом, а Ю. закрыл входную дверь и стал удерживать ноги К.Г., пока последняя не перестала подавать признаки жизни.

Вопреки доводам, изложенным в кассационной жалобе, виновность Ю. в лишении жизни К.А. подтверждается показаниями осужденного С., согласно которым в ходе конфликта С. нанес К.А. несколько ударов ножом в область шеи и рук, в то время как Ю. держал К.А. за ноги.

По поводу убийства К.Г. осужденный С. также дал показания об участии его и Ю. в лишении ее жизни.

Давая юридическую оценку действиям Ю., суд правильно указал, что в обоих случаях он присоединился к действиям С. и совершил в отношении К.А. и К.Г. действия, сопряженные с насилием (удержание каждого из потерпевших), в то время как его соучастник непосредственно применял насилие, направленное на лишение жизни.

Такие действия квалифицируются как действия соисполнителя, а не пособника.

Согласно разъяснениям, данным в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”, убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения).

Квалификация действий, совершенных Ю., надлежащим образом мотивирована в приговоре, соответствует уголовному закону и приведенной правовой позиции.

Определение № 5-УД24-31-А1

30. Лицо, совместно проживающее с другим лицом и не состоящее с ним в зарегистрированном браке, не освобождается от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 316 УК РФ за заранее не обещанное укрывательство преступлений, совершенных этим лицом.

По приговору Московского городского суда от 1 марта 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Н. осуждена по ст. 316 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), по ч. 5 ст. 33, пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

По этому же приговору осужден К. по п. “а” ч. 2 ст. 105, пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденная Н. оспаривала приговор, считая его незаконным. В частности, обращала внимание, что не сообщила о совершенном К. преступлении (убийстве двух лиц), поскольку он являлся ее фактическим супругом, в связи с чем она не обязана свидетельствовать против него.

Отвечая на данный довод кассационной жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила следующее.

Судами первой и апелляционной инстанций не установлено оснований для освобождения Н. от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 316 УК РФ, согласно которому лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. Из материалов дела усматривается, что К. и Н. не были близкими родственниками, не состояли в зарегистрированном браке, а следовательно, не являлись супругами, поскольку в Российской Федерации признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния (п. 2 ст. 1 СК РФ).

При таких обстоятельствах действие примечания к ст. 316 УК РФ на осужденную не распространяется.

Определение № 5-УД23-106-А1

31. Ответственность по ст. 159¹ УК РФ наступает в случае совершения умышленных действий, направленных на хищение денежных средств заемщиком путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений банку или иному кредитору, к каковым не относятся микрофинансовые организации.

По приговору мирового судьи судебного участка № 2 Курского района Ставропольского края от 28 ноября 2022 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, З., ранее не судимая, осуждена за каждое из двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159¹ УК РФ, к штрафу в размере 8000 руб., на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ ей назначено окончательное наказание в виде штрафа в размере 12 000 руб.

В кассационной жалобе З. просила об отмене всех состоявшихся судебных решений и о постановлении оправдательного приговора, поскольку судами первой и апелляционной инстанций не установлены обстоятельства дела, подлежащие доказыванию, в частности наличие у нее умысла на хищение денежных средств, представление ею заведомо ложных и недостоверных сведений о доходах. Отмечала, что у нее имелся интернет-магазин одежды, однако запрос о ее работе был направлен в другой магазин. Полагала, что принятие ею мер по исполнению обязательств путем заключения дополнительных соглашений и уплаты единовременных платежей по каждому микрозайму указывает на отсутствие у нее умысла на хищение денежных средств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверив материалы дела, указала следующее.

Признавая З. виновной в мошенничестве в сфере кредитования и квалифицируя ее действия по ч. 1 ст. 159¹ УК РФ, суд установил, что З., имея умысел на хищение денежных средств ООО Микрокредитная компания “К.” и ООО Микрокредитная компания “Т.” путем представления заведомо ложных и недостоверных сведений, из корыстных побуждений, оформила 24 марта и 11 апреля 2022 г. в сети “Интернет” заявки на получение потребительских займов в размере 19 000 руб. и 10 000 руб. сроком на 30 дней, не намереваясь изначально их погашать в силу своего материального положения, так как нигде не работала и постоянного, стабильного источника дохода не имела.

По смыслу закона ответственность за мошенничество наступает, если доказано наличие прямого умысла на хищение путем обмана или злоупотребления доверием.

Однако нижестоящие суды не проверили доводы З. об отсутствии у нее умысла на хищение денежных средств и представление заведомо ложных и недостоверных сведений о доходах.

Кроме того, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”, кредитором в ст. 159¹ УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 ГК РФ).

Согласно ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” кредитная организация — юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные названным Федеральным законом.

В п. 11 ст. 76¹ Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” прямо указано, что микрофинансовые организации признаются некредитными финансовыми организациями.

Как следует из устава ООО Микрокредитная компания “К.” и устава ООО Микрокредитная компания “Т.”, указанные компании осуществляют деятельность в соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”.

Таким образом, З. обращалась в вышеуказанные компании с заявками на получение потребительских займов, а не кредитов, осужденной были заключены договоры потребительского займа, и ей были предоставлены микрозаймы в размерах 19 000 руб. и 10 000 руб. под 365% годовых.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила судебные решения в отношении З., уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления.

Определение № 19-УД24-12-К5

Назначение наказания

32. Если окончательное наказание назначается по правилам ст. 70 УК РФ, то суду при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы необходимо указать срок этого вида наказания, возложить обязанности, установить ограничения как на основании чч. 2, 4 ст. 69 УК РФ, так и при назначении наказания по совокупности приговоров.

По приговору Магаданского городского суда Магаданской области от 28 апреля 2022 г. Р. (судимый: 22 июня 2017 г. по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ на основании ст.ст. 74, 70 УК РФ к двум годам одному месяцу лишения свободы, постановлением от 18 октября 2018 г. неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работами на срок шесть месяцев семнадцать дней с удержанием 10% из заработной платы в доход государства, освобожден 29 декабря 2018 г. по отбытии наказания; 7 октября 2021 г. по ч. 1 ст. 166 УК РФ к двум годам шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком три года) осужден по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к двум годам двум месяцам лишения свободы с ограничением свободы на срок шесть месяцев, по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ — к двум годам лишения свободы с ограничением свободы на срок шесть месяцев, по ч. 2 ст. 159 УК РФ к двум годам шести месяцам лишения свободы с ограничением свободы на срок шесть месяцев.

В соответствии с чч. 2, 4 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначено наказание в виде лишения свободы на

срок три года с ограничением свободы на срок один год.

На основании ч. 4 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 7 октября 2021 г.

В соответствии со ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено наказание, не отбытое по приговору от 7 октября 2021 г., и назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок четыре года в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок один год.

На основании ст. 53 УК РФ осужденному установлены ограничения и на него возложена обязанность, указанные в приговоре.

Апелляционным постановлением Магаданского областного суда от 29 июня 2022 г. приговор в отношении Р. оставлен без изменения.

Кассационным постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 5 декабря 2022 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Р. оставлены без изменения.

Постановлением Магаданского городского суда Магаданской области от 13 апреля 2023 г. неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена осужденному Р. на принудительные работы на срок два года семь месяцев девять дней с удержанием 10% из заработной платы в доход государства.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ указывал на то, что приговор, апелляционное и кассационное постановления подлежат изменению в части назначенного Р. дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку суд при назначении наказания по правилам чч. 2 и 4 ст. 69 УК РФ наряду с лишением свободы назначил дополнительное наказание в виде ограничения свободы и в нарушение ст. 53 УК РФ не установил конкретные ограничения и обязанности, указав их при назначении окончательного наказания на основании ст. 70 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из судебных решений указание на назначение Р. дополнительного наказания в виде ограничения свободы, отметив следующее.

В соответствии с пп. 4, 5 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным, а также окончательная мера наказания, подлежащая отбытию в соответствии со ст.ст. 69—72 УК РФ, ограничения и обязанности, которые устанавливаются таким образом, чтобы не возникало никаких сомнений при исполнении наказания.

Согласно ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом

осужденному ограничений и обязанностей, которые он должен соблюдать.

По данному делу указанные требования закона судом выполнены не в полной мере.

Из приговора видно, что при назначении Р. наказания по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ (два преступления) и по ч. 2 ст. 159 УК РФ, а также при назначении наказания по совокупности преступлений на основании чч. 2 и 4 ст. 69 УК РФ суд наряду с основным наказанием в виде лишения свободы назначил ему дополнительное наказание — ограничение свободы, однако определил при этом лишь срок ограничения, но не указал содержание этого вида наказания, а именно не установил ограничений и не возложил на осужденного обязанности, которые предусмотрены ст. 53 УК РФ.

Суд возложил конкретные ограничения и установил обязанности при назначении Р. наказания по совокупности приговоров на основании ст. 70 УК РФ, несмотря на то, что они не были установлены при назначении наказания по данному приговору, а по предыдущему приговору от 7 октября 2021 г. наказание в виде ограничения свободы осужденному не назначалось.

Таким образом, судом первой инстанции в нарушение требований уголовного закона дополнительное наказание в виде ограничения свободы фактически не было назначено, в связи с этим оно не могло быть назначено и на основании ст. 70 УК РФ.

Определение № 93-УДП24-2-К9

33. В силу требований ч. 1 ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона положения п. “п” ч. 1 ст. 63 УК РФ не подлежали применению судом при назначении осужденному наказания за преступление, совершенное до введения в действие указанной нормы.

По приговору Кандалакшского районного суда Мурманской области от 30 сентября 2022 г. К., ранее судимый 1 октября 2021 г. по ст. 264¹ УК РФ к 280 часам обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года, осужден по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ к пятнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год шесть месяцев, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ к пятнадцати годам одному месяцу пяти дням лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на один год шесть месяцев (с возложением обязанности и установлением ограничений, перечисленных в приговоре), с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 27 декабря 2022 г. приговор от 30 сентября 2022 г. изменен: исключено указание на назначение ему дополнительного наказания в виде ограничения сво-

боды на один год шесть месяцев по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ, а также на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2023 г. вышеуказанные приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат Д. выразил несогласие с состоявшимися в отношении осужденного К. решениями, просил об их отмене и о передаче дела на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления.

Исходя из положений ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Как усматривается из материалов уголовного дела, при назначении осужденному К. наказания суд в соответствии со ст. 60 УК РФ учел характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности осужденного, влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи.

Суд на основании п. “п” ч. 1 ст. 63 УК РФ признал обстоятельством, отягчающим наказание осужденного К., совершение преступления в отношении несовершеннолетней лицом, проживающим совместно с несовершеннолетней.

Однако указанная норма, согласно которой суд при назначении наказания может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в отношении несовершеннолетней лицом, проживающим совместно с несовершеннолетней, введена в действие Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ.

Поскольку преступление, за которое осужден К., было совершено им в период с 1 июня 2018 г. по 31 мая 2021 г., т.е. до принятия названного Федерального закона, признание данного обстоятельства отягчающим наказанием осужденного нельзя признать обоснованным.

При таких данных Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила судебные решения в отношении К.: исключила указание на признание отягчающим обстоятельством совершение преступления в отношении несовершеннолетней лицом, проживающим совместно с несовершеннолетней. Назначенное К. наказание смягчено.

Определение № 34-УД24-2-К3

34. Если суд кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела изменил вид исправительного учреждения, назначенный по приговору суда, на более мягкий, то необходимо произвести зачет времени отбывания лишения свободы в исправительном учреждении более строгого вида в срок лишения свободы, подлежащий отбытию с учетом ч. 3⁵ ст. 72 УК РФ.

По приговору Красноармейского районного суда Челябинской области от 29 июня 2021 г. Б. (судимый: 23 января 2020 г. по ч. 1 ст. 112 УК РФ к одному году ограничения свободы с установлением ограничений и возложением обязанности в соответствии со ст. 53 УК РФ; 23 марта 2020 г. по ч. 2 ст. 159 УК РФ (два преступления) на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к 360 часам обязательных работ, постановлением от 27 июля 2020 г. обязательные работы заменены лишением свободы на срок сорок четыре дня в колонии-поселении, наказание не отбыто; 15 июля 2020 г. по ч. 1 ст. 161 УК РФ на основании ст. 73 УК РФ к одному году лишения свободы условно, с испытательным сроком один год; 10 декабря 2020 г. по ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 161 УК РФ на основании ч. 5 ст. 69 (приговор от 23 января 2020 г.), ст. 70 (приговор от 15 июля 2020 г.), ч. 5 ст. 69 УК РФ (приговор от 23 марта 2020 г.) к одному году двум месяцам лишения свободы; 28 января 2021 г. по ч. 2 ст. 159 (два преступления), ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 161 (четыре преступления), ч. 1 ст. 159 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к двум годам лишения свободы; 19 марта 2021 г. по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ (два преступления), на основании ч. 3 ст. 69, ч. 5 ст. 69 УК РФ (приговор от 10 декабря 2020 г.) к трем годам шести месяцам лишения свободы) осужден по п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ к двум годам лишения свободы.

В соответствии со ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по приговору от 15 июля 2020 г. и назначено два года три месяца лишения свободы.

На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенного наказания и наказания по приговорам от 28 января и от 19 марта 2021 г. назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок четыре года девять месяцев в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 14 сентября 2021 г. приговор от 29 июня 2021 г. оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2022 г. приговор и апелляционное определение в отношении Б. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Б. просил о пересмотре состоявшихся в отношении его судебных решений в части назна-

ченного ему наказания и об изменении вида исправительного учреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, изучив доводы, изложенные в кассационной жалобе, пришла к следующим выводам.

По приговору от 29 июня 2021 г. на основании п. “в” ч. 1 ст. 58 УК РФ отбывание наказания Б. назначено в исправительной колонии строгого режима.

В соответствии с п. “в” ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях строгого режима.

Как следует из приговора от 29 июня 2021 г., Б. осужден за совершение 20 августа 2020 г. тяжкого преступления, предусмотренного п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ, к двум годам лишения свободы.

Судом обоснованно признано, что Б. совершил преступление при наличии рецидива преступлений (ч. 1 ст. 18 УК РФ), с учетом судимости по приговору от 23 марта 2020 г.

При таких обстоятельствах назначение исправительной колонии строгого режима возможно только при условии, если осужденный ранее отбывал лишение свободы.

Вместе с тем такие данные в материалах дела отсутствуют.

По приговору от 23 января 2020 г. Б. осужден к одному году ограничения свободы.

По приговору от 23 марта 2020 г. Б. осужден к 360 часам обязательных работ, которые заменены лишением свободы на срок сорок четыре дня в колонии-поселении.

Как следует из справки от 31 мая 2024 г., представленной филиалом по Красноармейскому району ФКУ УИИ ГУФСИН России по Челябинской области, осужденному Б. предписание для самостоятельного следования в УКП при ФКУ ИК-6 ГУФСИН России по Челябинской области было вручено 20 августа 2020 г., при этом сведений о прибытии к месту отбывания наказания не имеется.

По приговору от 15 июля 2020 г. Б. осужден к лишению свободы на один год условно с испытательным сроком один год. Условное осуждение по данному приговору отменено по приговору от 10 декабря 2020 г.

Таким образом, на момент совершения преступления (20 августа 2020 г.) наказание в виде лишения свободы осужденным Б. не отбывалось.

С учетом изложенного при назначении наказания по приговору от 29 июня 2021 г. оснований для признания осужденного Б. лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы, не имеется.

В соответствии с п. “б” ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свобо-

ды за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима.

При таких обстоятельствах осужденному Б. для отбывания наказания необходимо назначить исправительную колонию общего режима.

В связи с этим время содержания осужденного Б. под стражей следует зачесть из расчета один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Кроме того, в соответствии с п. “а” ч. 3⁵ ст. 72 УК РФ, если вид исправительного учреждения, назначенный по приговору суда, изменен в порядке, предусмотренном главой 47¹ УПК РФ, на более мягкий, зачет времени отбывания лишения свободы в исправительном учреждении более строгого вида в срок лишения свободы, подлежащий отбытию, осуществляется из расчета один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

С учетом данных обстоятельств Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила судебные решения в отношении Б., в частности в связи с изменением вида исправительного учреждения в соответствии с п. “а” ч. 3⁵ ст. 72 УК РФ в срок лишения свободы в исправительной колонии общего режима зачтено время отбывания лишения свободы в исправительной колонии строгого режима из расчета один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Определение № 48-УД24-17-К7

35. Если длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, в части зачета времени нахождения лица под домашним арестом в срок лишения свободы, но фактически окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица зачет производится в соответствии с новым уголовным законом.

По приговору Богучанского районного суда Красноярского края от 6 октября 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ш., ранее не судимый, осужден по п. “б” ч. 3 ст. 229 УК РФ к девяти годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

На основании ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ зачтено в срок отбывания наказания время содержания Ш. под домашним арестом с 21 ноября 2020 г. по 16 ноября 2021 г. включительно из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы. В соответствии с ч. 3² ст. 72 УК РФ зачтено в срок отбывания наказания время содержания под стражей с 19 по 21 ноября 2020 г. и с

момента взятия под стражу на основании данного приговора до дня вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2023 г. приговор и апелляционное определение в отношении Ш. изменены: время нахождения Ш. под домашним арестом в период с 21 ноября 2020 г. по 16 ноября 2021 г. зачтено в срок отбывания наказания из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы. В остальной части судебные решения оставлены без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил об отмене кассационного определения в части разрешения вопроса о зачете Ш. в срок отбывания наказания времени нахождения под домашним арестом, поскольку суд кассационной инстанции необоснованно применил повышающие коэффициенты кратности при зачете срока домашнего ареста в срок лишения свободы по сравнению с законом, действовавшим на момент совершения Ш. преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационное представление по следующим основаниям.

Как обоснованно указано в кассационном представлении, Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, вступившим в законную силу 14 июля 2018 г., ст. 72 УК РФ дополнена ч. 3⁴, согласно которой время нахождения лица под домашним арестом зачитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

В соответствии со ст. 72 УК РФ правила зачета наказания, в том числе предусмотренные ч. 3⁴ названной статьи, относятся к предмету уголовно-правового регулирования, в связи с чем вопросы действия указанной нормы во времени разрешаются на основании ст.ст. 9 и 10 УК РФ.

По смыслу ч. 1 ст. 9 УК РФ в тех случаях, когда деяние или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, но окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица подлежит применению новый уголовный закон¹.

Как видно из материалов уголовного дела и установлено судом в приговоре, преступление было совершено Ш. в период с 1 августа 2013 г. по 29 октября 2020 г.

Суд первой инстанции применил уголовный закон, действовавший на момент окончания преступления.

Суд кассационной инстанции, принимая решение о зачете времени нахождения под домашним арестом в период с 21 ноября 2020 г. по 16 ноября 2021 г. в срок отбывания наказания из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы, указал, что по приговору Ш. осужден за преступление, период совершения которого имел место в том числе до вступления в силу названного Федерального закона.

Однако судом кассационной инстанции не учтено, что инкриминированное Ш. преступление окончено 29 октября 2020 г., т.е. после вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение в отношении Ш., уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд.

Определение № 53-УДП24-8-К8

Процессуальные вопросы

36. Вынесение судьей решения об избрании меры пресечения или о продлении срока ее действия не является препятствием для участия этого же судьи при рассмотрении дела по существу.

По приговору Гороховецкого районного суда Владимирской области от 2 декабря 2021 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Б., ранее судимый, осужден по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2023 г. приговор и апелляционное определение в отношении Б. отменены, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в Гороховецкий районный суд Владимирской области иным составом суда.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ, оспаривая кассационное определение кассационного суда общей юрисдикции, указал, что председательствующий судья при рассмотрении ходатайств следователя об избрании и о продлении срока действия меры пресечения в отношении Б. не давал оценки доказательствам, не разрешал вопросы о виновности или невиновности Б. в содеянном, не делал выводов о наличии или об отсутствии события преступления. Судья обязан был проверить, содержат ли ходатайства и приобщенные к ним материалы сведения, указывающие на причастность этого лица к совершенному преступлению, а вывод судьи о

¹Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях”.

том, что Б. может продолжить совершать преступления, в полной мере соответствует требованиям ст. 97 УПК РФ. Автор представления обращал внимание на то, что в постановлениях судьи также указано, что вопрос о виновности или невиновности Б. в совершении инкриминируемого ему деяния не может быть предметом рассмотрения и оценки при решении вопроса о мере пресечения, поскольку будет разрешаться судом при рассмотрении уголовного дела по существу. В представлении ставился вопрос об отмене обжалуемого кассационного определения и о передаче уголовного дела в отношении Б. на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверив доводы, изложенные в кассационном представлении, пришла к следующим выводам.

Как следует из материалов уголовного дела, Вторым кассационным судом общей юрисдикции отменены приговор и апелляционное определение в отношении осужденного Б. ввиду наличия сомнений в беспристрастности судьи, постановившего обвинительный приговор.

В обоснование принятого решения в кассационном определении отмечено, что ранее на досудебной стадии уголовного судопроизводства председательствующий судья при избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении от 4 февраля 2021 г. сослался на то, что Б. указал на принадлежность ему обнаруженного в ходе осмотра места происшествия и находящегося в автомашине наркотического средства, а также судья указал на то, что Б. может продолжить совершать преступления. Кроме этого, в постановлении суда о продлении избранной Б. меры пресечения от 28 мая 2021 г. судья указал на то, что Б. не отрицал перевозку в автомобиле наркотического средства.

По мнению кассационного суда общей юрисдикции, сделав в постановлениях вывод о наличии достаточных данных о причастности Б. к преступлению, в совершении которого он обвинялся, судья М. тем самым фактически предпринял вопрос о доказанности обстоятельства, указанного в п. 2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, и констатировал отсутствие оснований, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, для вынесения оправдательного приговора. Таким образом, судья еще на досудебной стадии уголовного судопроизводства фактически высказал свое мнение относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

С указанными выводами суда кассационной инстанции нельзя согласиться по следующим основаниям.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, Определениях от 15 ноября 2007 г.

№ 804-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2319-О, от 17 февраля 2015 г. № 295-О, недопустимым является участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу. Судья, ранее выразивший свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность принимаемого решения. Тем более не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела судья, который ранее принимал решение по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания и послужившим основанием для постановления приговора.

Вместе с тем не может расцениваться как свидетельство необъективности или предвзятости судьи, рассматривающего уголовное дело, то обстоятельство, что ранее данным судьей по этому же делу выносилось решение о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу. Решения, связанные с применением меры пресечения, и решения по существу уголовного дела (приговор) имеют различную фактическую основу и различное предназначение.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий”, избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При этом она не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. При этом оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену решения.

В постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку, в частности, обоснованности подозрения в совершении лицом преступления. В решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей должно быть указано, почему в отношении лица не может быть применена бо-

лее мягкая мера пресечения, приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения (п. 29 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Как усматривается из постановлений Гороховецкого районного суда Владимирской области об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Б. и о продлении срока содержания под стражей, на которые суд кассационной инстанции сослался в определении, обоснованность подозрения в причастности Б. к совершению преступления подтверждается представленными следователем материалами дела, в том числе протоколом осмотра места происшествия, в ходе которого обнаружено транспортное средство с находящимся внутри наркотическим средством, справкой об исследовании и заключением эксперта, которыми подтверждено, что изъятое вещество является наркотическим средством, протоколами допросов свидетелей Ч., С., К. и Е., указавших на то, что наркотическое средство изымалось из автомашины Б., протоколом допроса подозреваемого Б., который не отрицал принадлежности ему наркотического средства и его перевозки в автомобиле.

Вопреки доводам Б., изложенным в суде кассационной инстанции, при вынесении постановлений от 4 февраля и от 28 мая 2021 г. судьей проверены материалы, на основании которых он пришел к выводу об обоснованности подозрения в причастности Б. к совершению преступления.

Кроме того, в указанных постановлениях отмечено, что доводы Б. о его невиновности в инкриминируемом ему деянии не могут быть рассмотрены судом, поскольку проверка виновности либо невиновности лица в совершении преступления, оценка собранных по делу доказательств не входит в компетенцию суда при решении вопроса, касающегося меры пресечения.

Таким образом, из содержания постановлений об избрании и о продлении Б. меры пресечения не следует, что судья давал оценку доказательствам, предreshал вопрос о виновности или невиновности Б. в инкриминируемом ему деянии либо сформулировал выводы о наличии или об отсутствии события преступления.

При этом вывод судьи о том, что Б. может продолжить совершать преступления, как правильно отмечается в представлении, соответствует положениям ст. 97 УПК РФ, согласно которым одним из оснований для избрания меры пресечения является наличие достаточных оснований полагать, что

обвиняемый, подозреваемый может продолжить заниматься преступной деятельностью.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что суд кассационной инстанции при рассмотрении жалобы осужденного не в полной мере принял во внимание указанные выше правовые позиции Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, в связи с чем кассационное определение отменила, дело направила на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Определение № 86-УДП23-7-К2

37. Установление умысла на совершение преступления является правовым вопросом, который при рассмотрении дела судом присяжных заседателей с учетом положений ч. 5 ст. 339 УПК РФ не подлежит включению в вопросный лист и разрешается судьей при вынесении приговора.

По приговору Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 12 мая 2022 г., постановленному с участием присяжных заседателей, А. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 29 сентября 2022 г. приговор в отношении А., а также постановления Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 26 ноября 2021 г. об отказе в удовлетворении ходатайства о роспуске коллегии присяжных заседателей и о возвращении ходатайства об изменении территориальной подсудности уголовного дела, от 30 июня 2022 г. о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания оставлены без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г. апелляционное определение отменено, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 24 августа 2023 г. вышеуказанные постановления Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области об отказе в удовлетворении ходатайства о роспуске коллегии присяжных заседателей и о возвращении ходатайства об изменении территориальной подсудности уголовного дела, о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания оставлены без изменения.

Этим же апелляционным определением приговор Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 12 мая 2022 г. в отношении А. изменен: действия осужденного переклассифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, назначено наказание в виде лишения свободы на срок десять лет в исправительной колонии строгого ре-

жима. В остальной части приговор оставлен без изменения.

В кассационных жалобах потерпевшие и их представители выражали несогласие с решением кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г., которым отменено апелляционное определение и дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку выводы суда кассационной инстанции о том, что отсутствие в вопросном листе вопроса о наличии у А. умысла на лишение жизни потерпевшего не позволяло суду квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 105 УК РФ, противоречат положениям ст. 334, ч. 5 ст. 339, ч. 3 ст. 348 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, в соответствии с которыми вопрос об умысле подсудимого при совершении им определенных действий решается председательствующим исходя из фактических обстоятельств, признанных установленными коллегией присяжных заседателей, что и было им сделано. Просили отменить обжалуемое кассационное определение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 24 августа 2023 г. и передала дело на новое кассационное рассмотрение, указав следующее.

Как следует из материалов уголовного дела, органами предварительного расследования А. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, а именно в умышленном причинении смерти Ю. путем нанесения удара ножом в область левой половины груди.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей от 15 апреля 2022 г. А. был признан виновным в том, что вечером 22 апреля 2017 г. он по приглашению своей знакомой Ю.А. прибыл в кафе, где принимал участие в праздновании ее юбилея. При этом А. взял с собой в кафе нож, который хранил при себе. Далее, в период с 00:00 до 00:30 23 апреля 2017 г., уже после торжества А., будучи в состоянии алкогольного опьянения, стоя на участке местности возле указанного кафе, в ходе ссоры с Ю. достал из кармана своего пальто нож, которым нанес потерпевшему не менее пяти ударов в область расположения жизненно-важных органов — спины, правой и левой боковой поверхности туловища, причинив тому повреждения, указанные в вопросе № 1.

От полученного в результате действий А. ранения Ю., доставленный в больницу, скончался 23 апреля 2017 г. в 12:00.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что установленные вердиктом присяжных заседателей фактические обстоятельства со-

деянного А., а именно характер и способ примененного к потерпевшему насилия, выбранное орудие преступления, а также локализация причиненных потерпевшему телесных повреждений, свидетельствуют о прямом умысле А. на причинение смерти Ю., в связи с чем квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

С указанным решением согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, в своем решении указала: из вердикта следует, что осужденный А. не имел намерения лишить жизни Ю., поскольку в вопросе № 2 отсутствует указание об умысле осужденного на лишение жизни потерпевшего.

Исходя из изложенного суд кассационной инстанции сделал вывод о том, что умыслом А. не охватывалось наступление последствий в виде смерти Ю., что по смыслу закона является необходимым условием для вывода о наличии умысла на лишение жизни.

Далее суд указал, что намерение (цель) лишения жизни относится к фактическим обстоятельствам дела и в соответствии с положениями ст. 334 УПК РФ его установление входит в компетенцию присяжных заседателей, а не председательствующего; что отсутствие в вопросном листе вопроса о наличии у А. умысла на лишение жизни Ю. не позволяло суду квалифицировать действия осужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Вместе с тем данные выводы суда кассационной инстанции нельзя признать законными и обоснованными.

Так, постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, и их содержание регламентированы ст.ст. 338, 339 УПК РФ.

Формулируя вопросы, судья должен учитывать, что полномочия присяжных заседателей согласно ч. 1 ст. 334 УПК РФ ограничиваются решением вопросов о доказанности обстоятельств, предусмотренных пп. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, т.е.: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 “О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей” даны разъяснения о том, что в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

К фактическим обстоятельствам уголовного дела относятся событие, результат, иные реальные обстоятельства, связанные с участием лица в совершении инкриминированного ему деяния.

Вывод суда кассационной инстанции о том, что умысел на совершение преступления относится к фактическим обстоятельствам, подлежащим доказыванию коллегией присяжных заседателей, противоречит положениям ч. 5 ст. 339 УПК РФ, согласно которым не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросов вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого, а также другие вопросы, требующие юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта.

В соответствии с предусмотренными ст. 334 УПК РФ полномочиями присяжные заседатели при вынесении вердикта должны обсуждать конкретные действия подсудимого и делать вывод об их доказанности или недоказанности.

Учитывая, что умысел виновного лица и квалификация его действий являются исключительно правовыми вопросами, они не подлежат включению в вопросный лист и разрешаются судьей единолично при постановлении приговора на основании вынесенного коллегией присяжных заседателей вердикта.

Определение № 41-УД23-33СП-К4

38. Наличие неотмененного постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению потерпевшего о преступлении, относящемся к делам частного обвинения, не препятствует мировому судье рассмотреть такое заявление, поданное в порядке ст. 318 УПК РФ.

По приговору мирового судьи судебного участка № 2 г. Пятигорска Ставропольского края от 18 февраля 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Щ. осужден по ч. 1 ст. 115 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 7000 руб.

Кассационным постановлением Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2023 г. приговор и апелляционное постановление отменены, производство по уголовному делу и уголовное преследование Щ. прекращены на основании п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с наличием неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же обвинению ввиду отсутствия состава преступления. На основании ст. 134 УПК РФ за Щ. признано право на реабилитацию.

В кассационной жалобе потерпевший О. просил отменить кассационное постановление, ссылаясь на правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Определении от 29 марта 2016 г. № 706-О.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении указала следующее.

Как видно из материалов дела, суд кассационной инстанции, отменяя приговор и апелляционное постановление, сослался на имеющееся в материалах уголовного дела неотмененное постановление от 3 декабря 2020 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Щ. на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, вынесенное участковым уполномоченным отдела МВД России по г. Пятигорску и утвержденное заместителем начальника полиции ОМВД России по г. Пятигорску.

Вместе с тем согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 115 УК РФ, считается уголовным делом частного обвинения и возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего.

По смыслу взаимосвязанных положений ст.ст. 147, 318 и 319 УПК РФ, если заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения соответствует требованиям чч. 1, 5 и 6 ст. 318 УПК РФ, мировой судья обязан принять заявление к своему производству, о чем выносится постановление.

В материалах уголовного дела имеется постановление мирового судьи судебного участка № 2 г. Пятигорска Ставропольского края от 2 марта 2021 г. о принятии к производству заявления О. о привлечении к уголовной ответственности Щ. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, и возбуждении уголовного дела частного обвинения.

В силу ч. 1 ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении по уголовному делу частного обвинения орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает решение о его передаче в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 данного Кодекса.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, выраженными в Определении от 29 марта 2016 г. № 706-О и в Постановлении от 28 июня 2023 г. № 36-П, по смыслу взаимосвязанных положений ч. 4 ст. 20, ч. 1 ст. 145 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ руководитель следственного органа, следователь и дознаватель не уполномочены разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения, постановление об этом, как вынесенное за пределами их компетенции и умаляющее гарантии защиты прав потерпевшего, не может служить ни препятствием для принятия судом к своему производству заявления о преступлении, преследуемом в частном порядке, ни основанием для прекращения уголовного дела по мотиву наличия такого неотмененного постановления.

Устанавливая порядок уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, федеральный законодатель наделил потерпевшего правом самостоятельно осуществлять уголовное преследование — обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частно-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П и от 17 октября 2011 г. № 22-П; Определения Конституционного Суда РФ от 17 сентября 2013 г. № 1336-О и от 23 октября 2014 г. № 2534-О).

Если потерпевший способен защищать свои права и законные интересы самостоятельно или с помощью законного представителя либо представителя, то рассмотрение заявления о совершении в отношении его преступления относится к исключительной компетенции мирового судьи.

Тем самым право гражданина обращаться в установленном порядке за защитой своих нарушенных прав с заявлением о совершении в его отношении преступлении частного обвинения в суд и, соответственно, обязанность мирового судьи рассмотреть его заявление не может ставиться в зависимость от принятия должностными лицами органов дознания и предварительного следствия решения об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по тому же обвинению в отношении того же лица ввиду отсутствия в деянии признаков соответствующего преступления.

Однако указанные положения закона и правовые позиции Конституционного Суда РФ не были приняты во внимание судом кассационной инстанции, что повлекло отмену кассационного постановления в отношении Ш. с направлением дела на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом.

Определение № 19-УД23-16-К5

39. Принятие судьей решения о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с допущенными следователем нарушениями уголовно-процессуального закона не является обстоятельством, исключающим участие того же судьи в рассмотрении уголовного дела после устранения допущенных нарушений.

По приговору Липецкого областного суда от 15 марта 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Т., ранее не судимый, осужден по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ к тринадцати годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на один год, с установлением указанных в приговоре ограничений и воз-

ложением обязанности, предусмотренных ст. 53 УК РФ.

По данному приговору осужден также Б.

В кассационной жалобе адвокат Ш., оспаривая приговор и апелляционное определение в отношении Т., указывал на то, что уголовное дело не могло быть рассмотрено в том же составе суда и имелись основания для самоотвода председательствующего судьи, поскольку ранее до возвращения дела прокурору по результатам рассмотрения ходатайства стороны защиты председательствующий судья 15 июня 2022 г. вынес постановление о признании недопустимым доказательством заключения психофизиологического исследования Т. и отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о признании недопустимым доказательством показаний специалиста А., т.е. суд затрагивал вопросы, связанные с непосредственной оценкой данных доказательств по делу с точки зрения их допустимости. Адвокат отмечал, что в постановлении от 14 июля 2022 г. о возвращении уголовного дела прокурору суд также ставил вопросы, связанные с оценкой доказательств по делу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала несостоятельными доводы адвоката о необходимости отмены приговора в связи с рассмотрением уголовного дела незаконным составом суда.

Действительно, судьей 14 июля 2022 г. выносилось постановление о возвращении данного уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с допущенными следователем нарушениями уголовно-процессуального закона.

Исходя из текста данного решения судьей не высказывалось мнение относительно оценки имеющихся в деле доказательств и их достаточности для вывода о виновности или невинности обвиняемых, не содержится в постановлении судьи и позиции относительно наличия или отсутствия события преступления, квалификации деяния, а указание в нем на принятии неуполномоченным лицом решения о возобновлении предварительного следствия и соединении уголовных дел в одно производство, предъявление обвинения и составление им обвинительного заключения не является обстоятельством, предусмотренным ст. 62 УПК РФ, исключающим участие того же судьи в рассмотрении уголовного дела после устранения допущенных нарушений.

Кроме того, как видно из протокола судебного заседания, сторонами в ходе судебного разбирательства не заявлялись отводы председательствующему судье и не высказывались замечания относительно его не-объективности.

Определение № 77-УД23-8-А1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Практика рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений

40. Неоднократное совершение иностранным гражданином административных правонарушений и преступлений влечет для него правовые последствия в виде депортации и неразрешения въезда в Российскую Федерацию.

М. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконными вынесенных в отношении его решения ГУФСИН России по области о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации, распоряжения ФСИН России о нежелательности пребывания в Российской Федерации, решения ГУ МВД России по области о депортации и неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

19 августа 2022 г. М., освобожденный из мест лишения свободы по отбытию наказания, депортирован в Республику Таджикистан, и в отношении его утверждено решение о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации сроком на пять лет (до 19 августа 2027 г.) ввиду вынесения в отношении его решения о депортации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного иска отказано.

Судом кассационной инстанции апелляционное определение отменено, административное дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении судом апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, признаны незаконными решение ГУФСИН России по области о неразрешении М. въезда на территорию Российской Федерации, распоряжение ФСИН России о нежелательности пребывания в Российской Федерации, решения ГУ МВД России по области о депортации М. и неразрешении ему въезда в Российскую Федерацию. При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что суд первой инстанции не учел критерий соразмерности последствий принятых в отношении М. решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, не дал должной оценки его доводам о длительном проживании в Российской Федерации, где у него сложились устойчивые правовые, социальные и семейные связи, в то время как на территории Республики Таджикистан родственников и жилья он не имеет; не учел факты оплаты административных штрафов и окончания сроков, в течение которых лицо считается подвергнутым административному наказанию. Кроме того, суд первой инстанции не принял во внимание наличие у административного истца дохода и свое-

временную уплату налогов в Российской Федерации.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, административное дело направила на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Статьей 25¹⁰ Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” установлено, что в отношении иностранного гражданина при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 27 данного Закона, выносится решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию (ч. 3); в отношении иностранного гражданина, которому не разрешен въезд в Российскую Федерацию, а также в целях защиты прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина в Российской Федерации (ч. 4).

В случае, если федеральным органом исполнительной власти, ведающим вопросами юстиции, в отношении иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы, вынесено решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, указанное решение в течение трех дней со дня его вынесения направляется в федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции, который принимает решение о депортации данного иностранного гражданина (пп. 11 и 12 ст. 31 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ).

Исполнение решения о депортации иностранного гражданина осуществляется после отбытия данным иностранным гражданином наказания, назначенного по приговору суда.

Как установлено судами, М. 7 февраля, 25 и 28 апреля, 17 июня, 6 ноября и 20 декабря 2019 г. совершил административные правонарушения, предусмотренные главой 12 и главой 18 КоАП РФ, и был подвергнут административным наказаниям в виде штрафов.

В сентябре 2020 г. М. совершил умышленные преступления, за которые осужден приговором суда.

Разрешая спор, суд первой инстанции, установив приведенные выше обстоятельства, исходил из того, что многократное совершение М. административных правонарушений в области дорожного движения, а также умышленных преступлений против собственности, относящихся в том числе к категории тяжких, судимость за которые не погашена, является грубым нарушением возложенных на него ст. 4 Федерального закона № 115-ФЗ обязанностей.

Суд апелляционной инстанции, считая такую позицию суда неправильной и отменяя судебное решение, в нарушение положений

п. 6 ч. 2 ст. 311 КАС РФ не указал мотивы, по которым не согласился с выводами суда первой инстанции, факту привлечения М. к уголовной ответственности надлежащей оценки не дал.

При этом факт уплаты административных штрафов ошибочно отнес к обстоятельствам, имеющим правовое значение для правильного разрешения административного дела.

Проживание на территории Российской Федерации матери и братьев административного истца, приобретших гражданство данного государства, а также жены и детей не освобождает его от обязанности соблюдать законы Российской Федерации и от ответственности за их неисполнение и не влечет в безусловном порядке признания оспариваемых решений нарушающими его права.

Суд апелляционной инстанции не проверил, соответствуют ли вынесенные решения степени общественной опасности и тяжести совершенных М. преступных деяний, исходя из приоритета интересов населения Российской Федерации, чья безопасность не может быть поставлена в зависимость от наличия у иностранного гражданина, грубо нарушившего законодательство Российской Федерации, семейных и (или) родственных связей в Российской Федерации.

Более того, оставлено без правовой оценки то обстоятельство, что проживание на территории Российской Федерации матери, братьев, жены и детей не явилось фактором, сдерживающим М. от нарушения законодательства Российской Федерации, а также безразличное отношение самого административного истца к последствиям совершенных им умышленных преступлений, повлекшее принятие распоряжения о нежелательности его пребывания на территории Российской Федерации и решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

Из определения суда кассационной инстанции следует, что основанием для отмены первоначального судебного акта суда апелляционной инстанции послужила неполнота проверки, в частности, отношения М. к уплате российских налогов, наличия у него законного источника дохода и обеспеченности жильем на территории Российской Федерации.

Однако при новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции приведенные в кассационном определении обстоятельства не установил и не исследовал.

Суд апелляционной инстанции указал на то, что М. был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя и уплачивал налоги. Вместе с тем доказательства, свидетельствующие об осуществлении М. в период пребывания на территории Российской Федерации трудовой деятельности, обладании законным источником дохода, исполнении им обязанности по содержанию и воспитанию детей, в материалах дела отсутствуют.

Факт внесения 19 апреля 2018 г. в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей записи о регистрации М. в качестве индивидуального предпринимателя (регистрация прекращена 23 сентября 2020 г.) не подтверждает осуществления административным истцом деятельности, приносящей доход, а также исполнения им обязанности по содержанию своей семьи.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций, административное дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 9-КАД25-4-К1

41. Совершение лицом, ранее принятым в гражданство Российской Федерации, одного из преступлений, указанных в ч. 1 ст. 24 Федерального закона “О гражданстве Российской Федерации”, является безусловным основанием для прекращения его гражданства.

А. в 1996 году прибыл со своей семьей из Туркменистана в Российскую Федерацию, в 1997 году получил статус беженца. В 2004 году в отношении его было принято решение о приеме в гражданство Российской Федерации; заявитель документирован паспортом гражданина Российской Федерации.

Вступившим в законную силу приговором суда А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, ему назначено наказание в виде трех лет лишения свободы.

Решением УМВД России по области от 28 марта 2024 г., принятым на основании подп. “а” п. 2 ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ “О гражданстве Российской Федерации” (далее — Закон о гражданстве), прекращено гражданство Российской Федерации А.

Административный истец обратился в суд с требованием о признании незаконным и об отмене названного решения, полагая, что оно принято без учета того, что члены его семьи (супруга, дочь и внук) являются гражданами Российской Федерации и проживают совместно с заявителем на территории Российской Федерации в собственном жилом помещении. С момента прибытия в Россию и вплоть до 2017 года А. работал на предприятиях, является получателем страховой пенсии по старости; по месту работы и месту жительства характеризуется положительно.

Решением суда первой инстанции административный иск А. удовлетворен, признано незаконным и отменено решение о прекращении его гражданства.

Удовлетворяя требования в части, суд первой инстанции исходил из того, что факт совершения преступления не является безусловным основанием для прекращения российского гражданства. Суд принял во внимание наличие у А. устойчивой правовой связи с Россией, которая выразилась в длительности его нахождения в российском гражданстве и

отсутствии гражданства другого государства, а также учел наличие постоянно проживающих в России близких родственников, являющихся гражданами Российской Федерации. Суд указал на несоразмерность принятого решения характеру совершенного деяния и отсутствие значительных последствий для государства.

Судом апелляционной инстанции решение суда отменено в части удовлетворения требований А. к УМВД России по области, принято новое решение, которым административному истцу отказано в удовлетворении административного иска. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Отменяя решение суда в части и принимая новое решение об отказе в удовлетворении административного иска, суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что предусмотренное в подп. “а” п. 2 ч. 1 ст. 22 Закона о гражданстве основание прекращения гражданства Российской Федерации носит императивный характер и свидетельствует о безусловной обязанности административного ответчика вынести соответствующее решение.

Суд кассационной инстанции отменил определение суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 24 Закона о гражданстве гражданство Российской Федерации прекращается по основанию, предусмотренному подп. “а” п. 2 ч. 1 ст. 22 этого Закона, если гражданин Российской Федерации приобрел гражданство Российской Федерации в результате приема в гражданство Российской Федерации и совершил преступление (осуществил приготовление к преступлению или покушение на преступление), предусмотренное в том числе ч. 2 ст. 228 УК РФ.

В ч. 2 той же статьи Закона о гражданстве определено, что гражданство Российской Федерации прекращается по названному основанию независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации.

Приведенные положения вышеназванного Закона не содержат каких-либо изъятий, оговорок и условий, позволяющих уполномоченному органу не принимать решения о прекращении гражданства Российской Федерации при наличии оснований, предусмотренных подп. “а” п. 2 ч. 1 ст. 22 и ч. 1 ст. 24 указанного Закона.

При таких обстоятельствах суд признал обоснованным довод, изложенный в кассационной жалобе УМВД России по области, о том, что вынесенным в отношении А. приговором суда установлен факт сообщения им

заведомо ложных сведений в отношении принятого на себя обязательства соблюдать законодательство Российской Федерации, в том числе Уголовный кодекс РФ.

Само по себе наличие у А., принятого в гражданство Российской Федерации, близких родственников — граждан России не влечет в безусловном порядке признание решения о прекращении гражданства нарушающим его право на уважение личной и семейной жизни, поскольку такая мера направлена на защиту интересов государства через принятие соответствующего решения органом государственной власти в отношении лица, сообщившего при приеме в гражданство Российской Федерации заведомо ложные сведения, касающиеся обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, и умышленно их нарушающего. Оспариваемое административным истцом решение уполномоченного органа не препятствует ему в поддержании семейных связей на территории России.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ определение суда кассационной инстанции отменила, оставила в силе определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 47-КАД25-7-К6

42. Нарушение процедуры выдвижения списка кандидатов, вызывшееся в отсутствии представительства от местных отделений политической партии при избрании делегатов на конференцию ее регионального отделения, может являться основанием для отказа в его регистрации.

Постановлением законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации назначены выборы депутатов нового созыва.

Постановлением избирательной комиссии субъекта Российской Федерации из завершенного списка кандидатов в депутаты законодательного органа субъекта Российской Федерации (далее также — список кандидатов в депутаты) нового созыва, выдвинутого региональным отделением политической партии по областному избирательному округу, исключены К. и И. на основании подп. “е” п. 26 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ) ввиду их членства в иной политической партии (п. 1); в регистрации данного списка кандидатов в депутаты отказано на основании подп. “а” п. 25 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ в связи с несоблюдением требований к выдвижению списка кандидатов, предусмотренных Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ “О политических партиях” (п. 2) (далее — Федеральный закон “О политических партиях”).

Региональное отделение политической партии обратилось в суд с административным иском об отмене указанного постановления

избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в полном объеме и о возложении на административного ответчика обязанности зарегистрировать список кандидатов в депутаты.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен частично. Отменено оспариваемое постановление избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в части отказа в регистрации списка кандидатов в депутаты. На указанную избирательную комиссию возложена обязанность незамедлительно после вступления решения суда в законную силу зарегистрировать список кандидатов в депутаты с учетом исключения из него кандидатов К. и И.

В удовлетворении требований в части исключения из списка кандидатов в депутаты К. и И. отказано.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции установил отсутствие кворума при избрании делегатов общим собранием местного отделения, в связи с чем пришел к выводу о том, что избранные для представления данного местного отделения делегаты не обладали правом голоса при принятии решения о выдвижении списка кандидатов в депутаты на конференции регионального отделения политической партии (далее — конференция).

В то же время, оценивая данное обстоятельство, суд заключил, что отсутствие представительства от местного отделения не свидетельствует о неправомерности конференции, посчитав достаточным участие в ее работе делегатов, избранных общими собраниями трех местных отделений политической партии.

Судом апелляционной инстанции резолютивная часть решения суда первой инстанции изменена путем возложения на административного ответчика обязанности рассмотреть вопрос о регистрации списка кандидатов в депутаты с учетом исключения из него кандидатов К. и И. В остальной части судебный акт суда первой инстанции оставлен в силе.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ вынесенное по делу определение суда апелляционной инстанции отменила по следующим основаниям.

В силу подп. “а” п. 25 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ основанием отказа в регистрации списка кандидатов является несоблюдение требований к выдвижению списка кандидатов, предусмотренных Федеральным законом “О политических партиях”, за исключением требований, предусмотренных п. 31 ст. 36 Федерального закона “О политических партиях”.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, установил, что на учете в региональном отделении политической партии действительно состоят граждане, одновременно являющиеся членами иной по-

литической партии. Вместе с тем данное обстоятельство, по мнению суда, к нарушению процедуры выдвижения списка кандидатов в депутаты не привело, поскольку исключение голосов этих лиц при избрании делегатов на конференции не повлияло на наличие кворума.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ посчитала правильным вывод судов о членстве в региональном отделении политической партии граждан, являющихся членами иной политической партии, в то же время не согласилась с выводом о наличии кворума.

Пунктом 1 и подп. “и” п. 2 ст. 21 Федерального закона “О политических партиях” установлено, что политическая партия, ее региональные отделения и иные структурные подразделения действуют на основании устава политической партии и в соответствии с ним.

Согласно п. 9 ст. 29 Устава политической партии конференция регионального отделения считается правомочной, если в ее работе принимают участие более половины от всех избранных на нее делегатов, при условии, что в ее работе участвует не менее половины делегатов, представляющих местные отделения и не менее 50% членов политической партии, состоящих на учете непосредственно в региональном отделении политической партии и не учитываемых в составе местных отделений политической партии.

В п. 1 ст. 44 Устава политической партии предусмотрено, что участниками общего собрания местного отделения являются члены политической партии, состоящие на учете в данном местном отделении.

Из приведенных норм следует, что по данному делу делегаты на конференцию избираются участниками, состоящими на учете в местных отделениях, входящих в региональное отделение политической партии.

При этом делегаты должны быть избраны от каждого местного отделения.

Соглашаясь с таким выводом, суд апелляционной инстанции не проверил его на соответствие п. 7 ст. 29 Устава политической партии, в силу которого участие в работе конференции политической партии предшествует избранию на нее делегатов от всех местных отделений.

Кроме того, проверяя соблюдение кворума, необходимого для избрания делегатов, суд апелляционной инстанции не выявил действительный смысл положения п. 1 ст. 44 Устава политической партии, согласно которому кворум, необходимый для избрания делегатов, рассчитывается исходя из списочного состава, т.е. всех лиц, состоящих на учете в политической партии.

Неправильное истолкование судом приведенной выше нормы привело к уменьшению списочного состава политической партии и, как следствие, к неверному определению кворума, поскольку при его расчете суд исключил

граждан, состоящих на учете в иной политической партии, из списочного состава политической партии, а не лиц, фактически принявших участие в общих собраниях местных отделений.

Из материалов дела следует, что первоначально постановлением избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в заверении списка кандидатов в депутаты было отказано ввиду несоблюдения требований к его выдвижению.

В ходе рассмотрения дела представитель административного истца пояснил, что указанные выше нарушения не относятся к вопросам членства в политической партии.

Между тем суд апелляционной инстанции оставил без внимания неустановление судом первой инстанции характера допущенных политической партией нарушений и мер, принятых для их устранения, и, как следствие, не выяснил, являются ли названные обстоятельства юридически значимыми для разрешения данного дела.

С учетом характера допущенных судами нарушений норм материального и процессуального права Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ вынесенное по делу определение суда апелляционной инстанции отменила и направила административное дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении дела решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение об отказе в удовлетворении требований административного истца.

Определение № 87-ИКАД25-2-А1

Применение положений законодательства об административных правонарушениях

43. Управление лицом, находящимся в состоянии опьянения, электросамокатом, имеющим технические характеристики транспортного средства, на управление которым в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения требуется наличие специального права, влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Т. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с абз. 1 п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее — Правила дорожного движения, Правила), водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и вни-

мание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения.

Частью 1 ст. 12.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В ходе производства по делу установлено, что Т. в нарушение требования п. 2.7 Правил дорожного движения управлял транспортным средством — электросамокатом, находясь в состоянии опьянения.

Доводы жалобы о том, что управление электросамокатом, который в соответствии с Правилами дорожного движения является средством индивидуальной мобильности, а не транспортным средством, а потому действия Т. не образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, признаны необоснованными.

Средство индивидуальной мобильности — это транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства) (п. 1.2 Правил дорожного движения).

В соответствии с Правилами дорожного движения транспортным средством признается устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем.

Согласно примечанию к ст. 12.1 КоАП РФ под транспортным средством следует понимать автотранспортное средство с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 куб.см или максимальной мощностью электродвигателя более 4 кВт и максимальной конструктивной скоростью более 50 км/ч, а также прицепы к нему, подлежащие государственной регистрации, а в других статьях этой главы также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

По смыслу приведенного примечания необходимость наличия таких условий для характеристики транспортного средства, как рабочий объем двигателя внутреннего сгорания более 50 куб.см или максимальная мощность электродвигателя более 4 кВт и максимальная конструктивная скорость более 50 км/ч, а также государственная регистрация, относится только к применению ст. 12.1 КоАП РФ.

В целях применения других статей главы 12 КоАП РФ под транспортными средствами понимаются также иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Феде-

рации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Установленные в Российской Федерации категории и входящие в них подкатегории транспортных средств, на управление которыми предоставляется специальное право, перечислены в п. 1 ст. 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ “О безопасности дорожного движения”.

В соответствии с данной нормой мопеды относятся к категории “М”, на управление такими транспортными средствами предоставляется специальное право.

Мопедом признается двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб.см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт.

В ходе производства по делу установлено, что электросамокат, которым управлял Т., по своим техническим характеристикам относится к транспортным средствам, право управления которыми должно быть подтверждено водительским удостоверением соответствующей категории (мощность 600 Вт (более 0,25 кВт), максимальная конструктивная скорость 45 км/ч).

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 14-АД25-14-К1

44. Размещение транспортного средства на газоне, в том числе в случае частичного отсутствия на нем травянистого покрытия, является нарушением правил благоустройства и влечет административную ответственность в соответствии с законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях.

Постановлением административной комиссии муниципального образования, оставленным без изменения судебными актами судов общей юрисдикции, С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 15 ст. 8.2 закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, и подвергнут административному наказанию.

Частью 15 ст. 8.2 закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, а равно благоустроенной и предназначенной для озеленения территории, спортивных и детских площадках, за исключением техники, связанной с производством работ по содержанию территории, занятой зелеными насаждениями, детских и спортивных площадок и ремонту объектов, инженерных сетей и коммуникаций, расположенных на указанных территориях, ликвидации чрезвычайных ситуаций природ-

ного и техногенного характера, если ответственность за данное правонарушение не предусмотрена федеральным законодательством.

В соответствии с п. 1.4 Правил благоустройства территории муниципального образования, утвержденных решением городской думы (далее — Правила благоустройства), под озелененными территориями понимаются газон и иные территории, занятые зелеными насаждениями, а равно предназначенные под зеленые насаждения.

Газон — элемент благоустройства, представляющий собой искусственно созданный участок поверхности с травяным покрытием, создаваемый посевом семян злаковых трав с возможным включением некоторых видов травянистых растений, являющийся фоном для посадок, парковых сооружений и самостоятельным элементом ландшафтной композиции.

Озелененные территории общего пользования — озелененные территории, предназначенные для различных форм отдыха (парки, сады, скверы, бульвары, аллеи, общественные центры, проспекты, набережные, улицы, городские леса).

Зеленые насаждения представляют собой элемент благоустройства, представляющий собой древесную, древесно-кустарниковую, кустарниковую и травянистую растительность естественного и искусственного происхождения.

В силу п. 4.1.18 Правил благоустройства запрещается размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, а равно благоустроенной и предназначенной для озеленения территории, спортивных и детских площадках, за исключением техники, связанной с производством работ по содержанию территории, занятой зелеными насаждениями, детских и спортивных площадок, и ремонту объектов, инженерных сетей и коммуникаций, расположенных на указанных территориях, ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Согласно п. 5.1.5 Правил благоустройства на озелененных территориях общего пользования запрещается проезд и размещение автотранспортных средств, строительной и дорожной техники, кроме техники, связанной с эксплуатацией данных территорий и уходом за зелеными насаждениями.

В ходе производства по делу было установлено, что С. в нарушение требований пп. 4.1.18, 5.1.5 Правил благоустройства разместил транспортное средство на территории, занятой зелеными насаждениями и предназначенной для озеленения.

Из материала фотофиксации места совершения правонарушения следовало, что транспортное средство размещено на газоне — элементе благоустройства, имеющем ограничение в виде бортового камня (бордюра) и граничащем с твердым покрытием проезжей части дороги и тротуара, являющемся само-

стоятельным элементом ландшафтной композиции, не предназначенным для движения по нему транспортных средств. Частичное отсутствие на газоне травянистого покрытия не наделяет данную территорию статусом дороги, предназначенной для движения или размещения на ней транспортных средств.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 32-АД25-10-К1

45. Неисполнение требования должностного лица налогового органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, о предоставлении составляющих банковскую тайну сведений в нарушение установленного законом порядка не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ.

Должностным лицом налогового органа в отношении С. (далее — клиент) возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ.

В рамках производства по этому делу в соответствии с положениями ст. 26.10 КоАП РФ должностным лицом налогового органа, осуществляющим административное расследование, вынесено определение об истребовании у Общества (банка) сведений, необходимых для разрешения дела об административном правонарушении (выписки по операциям по расчетному (лицевому) счету клиента; идентифицирующие сведения (для идентификации и последующего опроса): наименование, ФИО, ИНН (при наличии сведений) физических и юридических лиц, выполнивших перевод (зачисление) денежных средств на счета клиента, основание для их перечисления; копии договоров об открытии расчетных счетов (иных договоров); подтверждающую/опровергающую информацию о том, что клиент использует дистанционное банковское обслуживание соответствующих расчетных счетов (банк-онлайн, интернет-банкинг, интернет-банк и т.п.); информацию о номерах банковских карт (последние 4 цифры), которые соответствуют (“привязаны”) к расчетным счетам клиента).

В ответ Обществом (банком) в адрес налогового органа направлено письмо об отказе в предоставлении истребованных сведений с указанием на то, что предоставление кредитными организациями сведений и документов, содержащих банковскую тайну в отношении физических лиц, в рамках рассмотрения дел об административных правонарушениях действующим законодательством не предусмотрено.

По факту умышленного невыполнения законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, постановлением судьи районного суда, с выводами которого согласился судья кассационного суда, Общество (банк) привлечено к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.

Вместе с тем при вынесении обжалуемых судебных актов не учтено следующее.

Статьей 17.7 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Общества (банка) к административной ответственности) установлена административная ответственность за умышленное невыполнение законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

Банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте (п. 1 ст. 857 ГК РФ).

Государственным органам и их должностным лицам, а также иным лицам сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены исключительно в случаях и порядке, которые предусмотрены законом (п. 2 ст. 857 ГК РФ).

Исчерпывающий перечень лиц, которые вправе получать от банков информацию, составляющую банковскую тайну, установлен ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” (далее — Закон № 395-1).

Сведения о наличии счетов, вкладов (депозитов) и (или) об остатках денежных средств на счетах, вкладах (депозитах), по операциям на счетах, по вкладам (депозитам) организаций, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, физических лиц предоставляются кредитной организацией налоговым органам в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (ч. 28 ст. 26 Закона № 395-1).

В силу абз. 3 п. 2 ст. 86 НК РФ справки о наличии счетов, вкладов (депозитов) и (или) об остатках денежных средств (драгоценных металлов) на счетах, вкладах (депозитах), выписки по операциям на счетах, по вкладам (депозитам) физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, в банке, справки об остатках электронных денежных средств и о переводах электронных денежных средств могут быть запрошены налоговыми органами при наличии согласия руководителя вышестоящего налогового органа или руководителя (заместителя руководителя) федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, в случаях проведения налоговых проверок в отношении этих лиц либо истребования у них документов (информации) в соответствии с п. 1 ст. 93¹ НК РФ.

В ходе производства по делу защитники Общества (банка) указывали на то, что раскрытие банковской тайны не в установленном законом порядке может повлечь наступление гражданско-правовой ответственности (п. 3 ст. 857 ГК РФ).

Однако доводы защитников Общества (банка), обстоятельства, подлежащие уста-

новлению по делу об административном правонарушении и имеющие значение для его разрешения, не были проверены и исследованы судьей районного суда в полном объеме и оставлены без надлежащей правовой оценки.

Судья кассационного суда допущенное судьей районного суда нарушение не устранил.

При таких обстоятельствах постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное в отношении Общества (банка) по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ, отменено, дело об административном правонарушении возвращено в кассационный суд общей юрисдикции на новое рассмотрение.

Постановление № 5-АД25-35-К2

46. Обоюдное причинение лицами телесных повреждений не исключает привлечения к административной ответственности по ст. 6.1¹ КоАП РФ каждого из виновных в нанесении побоев или совершении иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не содержащих признаков уголовно наказуемого деяния.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1¹ КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии со ст. 6.1¹ КоАП РФ нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения М. к административной ответственности, предусмотренной указанной нормой, послужили изложенные в судебных актах выводы о том, что он в ходе конфликта нанес Р. удар кулаком по лицу, что причинило последнему физическую боль, но не повлекло последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. Эти действия не содержали признаков уголовно наказуемого деяния.

Фактические обстоятельства совершения М. административного правонарушения подтверждены собранными по делу доказательствами, получившими оценку по правилам ст. 26.11 КоАП РФ с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Положения ст. 2.7 КоАП РФ в рассматриваемом случае неприменимы.

В силу данной нормы не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно уг-

рожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Оснований для вывода о том, что вмененное М. административное правонарушение совершено в состоянии крайней необходимости, не имеется.

При этом учтено, что по смыслу ст. 2.7 КоАП РФ опасность, угрожающая личности и иным интересам, должна быть реальной; действия, совершаемые в обстановке крайней необходимости, по времени должны совпадать с реально существующей угрозой причинения вреда; опасность не могла быть устранена иными средствами; действия, квалифицируемые как административное правонарушение, — единственное, что могло бы привести к устранению опасности.

Материалы дела свидетельствовали о том, что действия М. носили активный, а не оборонительный характер.

Привлечение Р. на основании постановления мирового судьи к административной ответственности по ст. 6.1¹ КоАП РФ за нанесение побоев М. к иным выводам не приводит.

Обоюдное причинение телесных повреждений не исключает привлечения к установленной законом ответственности каждого из виновных.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 59-АД25-6-К9

47. Неразъяснение при составлении протокола об административном правонарушении лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренных Кодексом РФ об административных правонарушениях прав и обязанностей влечет признание такого протокола недопустимым доказательством.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, И. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Частью 5 ст. 12.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за повторный выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления.

Основанием для привлечения И. к административной ответственности, предусмотренной указанной нормой, послужил тот факт, что он, управляя транспортным средством, совершил обгон транспортного средства с выездом на сторону дороги, предназначенную для встречного движения в зоне

действия временного дорожного знака 3.20 “Обгон запрещен” (прил. 1 к Правилам дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090).

К числу доказательств по делу по административном правонарушении относится протокол об административном правонарушении.

Согласно ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ при составлении протокола об административном правонарушении физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, а также иным участникам производства по делу разъясняются их права и обязанности, предусмотренные этим Кодексом, о чем делается запись в протоколе.

Нарушением, влекущим невозможность использования доказательств, может быть признано получение объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, которому не были предварительно разъяснены их права и обязанности (ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ, ст. 51 Конституции Российской Федерации).

И. и его защитник последовательно заявляли о том, что при составлении протокола об административном правонарушении сотрудники ГИБДД И. не разъяснили права, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ, и положения ст. 51 Конституции Российской Федерации, что подтверждается отсутствием подписи лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, в соответствующей графе протокола об административном правонарушении.

Мировой судья и согласившиеся с ним судьи вышестоящих судов признали протокол об административном правонарушении отвечающим требованиям ст. 28.2 КоАП РФ, а доводы И. и его защитника были необоснованно отклонены.

Вместе с тем указанные нарушения требований Кодекса РФ об административных правонарушениях являются существенными и не могут быть восполнены при рассмотрении жалобы на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.

При изложенных обстоятельствах постановление мирового судьи, решение судьи городского суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении И. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Постановление № 44-АД25-12-К7

48. Административный арест относительно лишения права управления транспортными средствами является более строгим наказанием, которое назначается лишь в исключительных случаях. Его применение не может основываться на доводах об осуществлении лицом, в отношении которого ведется производство по делу, трудовой деятельности в качестве водителя и утрате в связи с лишением специального права источника заработка.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного ареста.

Заместителем Генерального прокурора РФ в Верховный Суд РФ принесен протест, в котором приведены доводы о незаконности указанных судебных актов.

Согласно ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния влечет лишение права управления транспортными средствами или административный арест.

А. привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, в связи с оставлением места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

Вместе с тем при назначении административного наказания мировым судьей были допущены существенные нарушения требований Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Статьей 3.1 КоАП РФ предусмотрено, что административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Административное наказание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 4.1 КоАП РФ административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с этим Кодексом. При назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновно-

го, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность.

Согласно ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и не может применяться к отдельным категориям лиц.

Административный арест относительно лишения права управления транспортными средствами является более строгим наказанием и назначается лишь в исключительных случаях, когда с учетом характера деяния и личности нарушителя применение иных видов наказания не обеспечит реализации задач административной ответственности (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”).

При выборе меры ответственности мировой судья не учел отсутствие обстоятельств, отягчающих административную ответственность, и наличие обстоятельства, смягчающего административную ответственность, и назначил А. более строгое наказание, предусмотренное ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, что признано необоснованным и несправедливым. Копия трудового договора, согласно которому А. принят на должность водителя, не являлась достаточным доказательством того, что лишение специального права (права управления транспортными средствами) отнимет у А. единственный источник заработка и существенно ухудшит материальное положение его семьи, поскольку согласно протоколу об административном правонарушении А. не работал, в своих объяснениях, данных сотруднику ДПС, собственноручно указал, что холост, является самозанятым.

Кроме того, согласно содержанию протеста заместителя Генерального прокурора РФ в рамках производства по уголовному делу установлено, что указанный трудовой договор являлся фиктивным.

При рассмотрении дела судьей кассационного суда общей юрисдикции обоснованность назначения мировым судьей А. наказания в виде административного ареста должным образом не проверена.

Постановление № 49-АД25-31-К6

49. При совершении лицом нескольких административных правонарушений, выражающихся в нецелевом использовании бюджетных средств (ст. 15.14 КоАП РФ), выявленных в результате одной проверки исполнения бюджетного законодательства, административное наказание назначается по правилам ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи го-

родского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, директор муниципального казенного учреждения К. (далее — директор МКУ К.) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.14 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Статья 15.14 КоАП РФ устанавливает ответственность за нецелевое использование бюджетных средств.

При проведении проверки исполнения бюджетного законодательства установлено, что директором МКУ К. допущено направление бюджетных средств на цели, которые не соответствовали целям их получения.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения директора МКУ К. к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.14 КоАП РФ.

Вместе с тем согласно ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II названного Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения.

В ходе производства по делу установлено, что директору МКУ К. вменено совершение трех административных правонарушений, предусмотренных ст. 15.14 КоАП РФ, выявленных по результатам проведения одного контрольного мероприятия, за совершение которых он привлечен к административной ответственности.

Данное обстоятельство применительно к положениям ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ судьей городского суда оставлено без правовой оценки.

Судьей кассационного суда допущенное судьей городского суда нарушение не устранено. Довод директора МКУ К., заявлявшего в жалобе о том, что в рассматриваемом случае административное наказание подлежало назначению с применением положений ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, отклонен без надлежащей проверки.

При таких обстоятельствах решение судьи городского суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении директора МКУ К. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 15.14 КоАП РФ, отменены, дело возвращено в городской суд на новое рассмотрение.

Постановление № 39-АД25-1-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

50. При определении норматива общей площади жилого помещения, используемого для размера субсидии на приобретение или строительство жилого помещения, не подлежит учету жилое помещение, ранее предоставленное военнослужащему в качестве члена семьи иных лиц, если истек срок, установленный ч. 8 ст. 57 ЖК РФ.

Решением Пермского гарнизонного военного суда от 22 марта 2024 г., оставленным без изменения апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 3 сентября 2024 г., отказано в удовлетворении искового заявления Б., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии Пермского военного института (далее — военный институт) от 28 ноября 2023 г. в том числе в части уменьшения размера субсидии, предоставляемой для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жилищная субсидия), в связи с исчислением ее размера с учетом ранее принадлежавшей ему доли в праве общей собственности на жилое помещение.

Кассационным определением кассационного военного суда от 21 января 2025 г. судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ принятые по делу судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Б. первый контракт о прохождении военной службы заключил в сентябре 1997 г., с июня 2017 г. проходит военную службу в должности преподавателя в военном институте.

В 1987 году, до поступления на военную службу, Б. в качестве члена семьи своей матери был обеспечен органом местного самоуправления жилым помещением общей площадью 65,1 кв.м.

В декабре 1998 г. названное жилое помещение передано бесплатно в порядке приватизации в общую собственность Б. и его матери.

30 июня 2014 г. Б. подарил матери принадлежавшую ему долю.

28 ноября 2023 г. решением жилищной комиссии военного института Б. с составом семьи из четырех человек (он, две дочери и сын) признан нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания по избранному месту жительства с формой обеспечения в виде предоставления жилищной субсидии. Также ему уменьшен норматив общей площади жилого помещения при расчете размера жилищной субсидии на 32,55 кв.м в связи с тем, что ранее в порядке приватизации он был обеспечен за счет государства долей в праве общей собственности на жилое помещение в составе семьи своей матери.

Признавая оспариваемое решение жилищного органа законным и отказывая в удовлетворении искового заявления, суды исходили из того, что Б. распорядился по своему усмотрению долей в праве общей собственности на жилое помещение, предоставленное за счет публичного жилищного фонда, и утратил возможность возратить ее государству.

Данные выводы судов основаны на неправильном толковании норм материального права и противоречат материалам дела.

В соответствии с абз. 13 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” (в ред. Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 416-ФЗ) военнослужащие-граждане, в том числе обеспеченные в качестве членов семей других военнослужащих или иных граждан жилыми помещениями либо денежными средствами на приобретение или строительство жилых помещений до поступления указанных военнослужащих-граждан на военную службу по контракту либо после заключения контракта о прохождении военной службы, признаются нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ, в порядке, утверждаемом Правительством РФ, и обеспечиваются жилыми помещениями либо денежными средствами на приобретение или строительство жилых помещений в соответствии с указанным Федеральным законом.

Согласно абз. 14 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” (в ред. Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 416-ФЗ) при признании военнослужащих-граждан нуждающимися в жилых помещениях и предоставлении им и совместно проживающим с ними членам их семей жилых помещений либо денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений учитываются положения ст. 53 и ч. 8 ст. 57 ЖК РФ.

По смыслу закона, не может уменьшаться общая площадь жилого помещения при его предоставлении в отношении военнослужащих, которые ранее были обеспечены (в том числе по договору социального найма) жилыми помещениями за счет публичных жилых фондов или средствами на их приобретение в качестве членов семей других военнослужащих или иных граждан, независимо от последующей приватизации и (или) отчуждения жилого помещения, если они отвечают критериям нуждаемости по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ, при условии истечения срока, установленного ст. 53 ЖК РФ.

Как следствие, при определении норматива общей площади жилого помещения для расчета размера жилищной субсидии не подлежит учету жилое помещение, ранее предоставленное военнослужащему в качестве члена семьи иных лиц, право на которое им утрачено, если истек срок, установленный ч. 8 ст. 57 ЖК РФ, п. 4 Правил расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляе-

мой военнослужащим — гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом “О статусе военнослужащих”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 3 февраля 2014 г. № 76.

Определение № 223-КАД25-7-К10

51. При определении общей продолжительности военной службы следует учитывать положения ч. 3 ст. 44 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О войсках национальной гвардии Российской Федерации”.

Решением Пензенского гарнизонного военного суда от 17 ноября 2023 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления П. о признании незаконными действий должностных лиц Управления Росгвардии по Пензенской области (далее — Управление), связанных с исчислением общей продолжительности его военной службы.

Апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 12 марта 2024 г. решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении требований административного истца о возложении на должностных лиц Управления обязанности по зачету в общую продолжительность военной службы П. периодов его службы в органах внутренних дел и Росгвардии на должностях, подлежащих зачислению сотрудниками полиции.

Кассационным определением кассационного военного суда от 24 октября 2024 г. апелляционное определение окружного военного суда отменено и оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила кассационное определение кассационного военного суда и оставила в силе апелляционное определение окружного военного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что П. с 13 июня 2001 г. по 18 июня 2003 г. проходил военную службу по призыву в Вооруженных Силах РФ, с 12 марта 2004 г. по 29 сентября 2016 г. служил в Управлении МВД России по Пензенской области, а с 30 сентября 2016 г. был переведен в Росгвардию на должность командира оперативного взвода с присвоением очередного специального звания “старший лейтенант полиции”.

15 декабря 2017 г. П. уволен со службы в связи с переводом на государственную службу иного вида и со следующего дня на основании приказа Росгвардии от 25 декабря 2017 г. принят на военную службу по контракту с присвоением воинского звания “старший лейтенант”.

В выданной по просьбе П. справке от 18 сентября 2023 г. начальником отдела кадров

Управления указано, что общая продолжительность его военной службы (службы), стаж работы в календарном исчислении составляет 21 год 6 месяцев 10 дней, в том числе общая продолжительность военной службы в календарном исчислении составляет 7 лет 9 месяцев 7 дней, в льготном исчислении — 10 лет 7 месяцев 23 дня; служба в органах внутренних дел и Росгвардии в календарном исчислении составляет 13 лет 9 месяцев 3 дня, в льготном исчислении — 21 год 6 месяцев.

Командованием Управления отказано в удовлетворении рапорта административного истца от 20 сентября 2023 г., в котором он просил засчитать стаж его службы (выслугу лет) в органах внутренних дел и Росгвардии в общую продолжительность военной службы, в том числе в льготном исчислении.

Отказывая в удовлетворении административного иска, суд первой инстанции исходил из того, что П. поступил на военную службу не в порядке перевода на государственную службу иного вида, а из запаса, поэтому не относился к числу лиц, на которых распространялось действие положений ст. 44 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О войсках национальной гвардии Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 227-ФЗ) в редакции, действовавшей на дату поступления П. на военную службу.

Отменяя решение гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции указал, что имеющаяся в приказе от 25 декабря 2017 г. формулировка “рядовой запаса” не свидетельствует о поступлении П. на военную службу из запаса, поскольку в этом же приказе в качестве основания поступления на военную службу указан в том числе абз. 6 п. 1 ст. 34 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” (в редакции, действовавшей с 8 декабря 2017 г.), который устанавливал право заключения контракта о прохождении военной службы гражданами мужского пола, не пребывающими в запасе и получившими высшее образование.

В связи с этим окружным военным судом сделан вывод о том, что П. поступил на военную службу в Управление в порядке перевода, поэтому стаж его службы в органах внутренних дел и Росгвардии подлежал зачету в общую продолжительность военной службы.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, кассационный военный суд со ссылкой на положения законодательства, регламентирующие порядок прохождения военной службы и исчисления выслуги лет, указал, что в выданной П. справке от 18 сентября 2023 г. содержалась исчерпывающая информация о периодах прохождения административным

истцом военной службы, службы в органах внутренних дел и Росгвардии, а также сведения об общей продолжительности его военной службы, в связи с чем его права не нарушены.

Однако выводы судов первой и кассационной инстанций основаны на неправильном применении норм материального права.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (далее — Указ) образована Росгвардия.

В соответствии с п. 4 Указа в структуру Росгвардии включены в том числе отряды мобильные особого назначения территориальных органов МВД РФ.

Исходя из ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ “О войсках национальной гвардии Российской Федерации” в войсках национальной гвардии предусматриваются следующие виды государственной службы:

- военная служба;
- служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации;
- государственная гражданская служба.

В силу ч. 3 ст. 44 Федерального закона № 227-ФЗ (в ред. Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ, действовавшей в период поступления административного истца на военную службу) лица, имеющие специальные звания, переведенные в Росгвардию из органов внутренних дел, могут быть приняты на военную службу в войска национальной гвардии Российской Федерации и с ними может быть заключен контракт о прохождении военной службы при условии, что эти лица соответствуют требованиям, предъявляемым к гражданам, поступающим на военную службу по контракту.

Лицам, указанным в ч. 3 ст. 44 Федерального закона № 227-ФЗ (в ред. Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ), выслуга лет в органах внутренних дел засчитывалась в выслугу лет для назначения пенсии, выплаты денежного довольствия и предоставления иных мер социальной поддержки (п. 3 ч. 4 этой же статьи).

Как отметил Конституционный Суд РФ в Определении от 28 июня 2022 г. № 1543-О, Федеральным законом от 6 июня 2019 г. № 127-ФЗ “О внесении изменений в статью 44 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О войсках национальной гвардии Российской Федерации” приведенное законоположение было скорректировано — и на сегодняшний день лицам, имеющим специальные звания, переведенным в войска национальной гвардии из органов внутренних дел, лицам, проходящим службу в войсках национальной

гвардии и имеющим специальные звания полиции, которые подлежат переводу на военную службу в подразделения войск национальной гвардии в соответствии с решением Президента Российской Федерации, при назначении на воинские должности стаж службы (выслуга лет), в том числе в льготном исчислении, исчисленный в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, засчитывается в период службы (выслугу лет, общую продолжительность военной службы) в полном объеме и пересчету не подлежит.

Аналогичная позиция отражена в Определении Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 2648-О, в котором указано, что правовое регулирование, установленное п. 3 ч. 4 ст. 44 Федерального закона № 227-ФЗ, как в первоначальной ее редакции, так и в ныне действующей, предполагающей более точный учет продолжительности разных видов службы, направлено на обеспечение преемственности в формировании социальных прав указанных лиц и сохранение уровня их социальной защиты.

Анализ приведенных законоположений и правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет прийти к выводу о возможности применения к спорным правоотношениям по данному административному делу положений п. 3 ч. 4 ст. 44 Федерального закона № 227-ФЗ (в ред. Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ).

П., переведенный из органов внутренних дел в подразделение Управления, имея специальное звание “старший лейтенант полиции”, 15 декабря 2017 г. уволен в отставку в связи с переводом на государственную службу иного вида, а на следующий день поступил на военную службу по контракту в подразделение Управления и ему присвоено воинское звание “старший лейтенант”.

Под переводом понимается совокупность юридических и фактических действий, в результате которых бывший сотрудник продолжает проходить государственную службу, но только иного вида, т.е. его служебная деятельность не прекращается.

Из изложенного следует, что вывод суда апелляционной инстанции о том, что П. поступил на военную службу в порядке перевода и исчисленный ему за время службы как в органах внутренних дел, так и в Росгвардии стаж службы (выслуга лет) подлежит зачету в общую продолжительность его военной службы, является правильным.

Определение № 223-КАД25-9-К10

52. Отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения указания на отягчающее наказание обстоятельство не препятствует суду признать наличие такового при его установлении в ходе судебного разбирательства, если содержание обвинения разъяснено обвиняемому и он в полной мере был готов к защите от него.

По приговору Центрального окружного военного суда от 27 февраля 2024 г. Ш. осужден по ч. 2 ст. 205² УК РФ к лишению свободы

на срок два года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и каналов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”, на срок два года.

Апелляционным определением апелляционного военного суда от 17 октября 2024 г. по апелляционному представлению государственного обвинителя приговор в отношении Ш. изменен, признано отягчающим наказание обстоятельством совершение преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды (п. “е” ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Из приговора исключено указание о применении ч. 1 ст. 62 УК РФ, назначенное Ш. наказание усилено до пяти лет лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и каналов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”, на срок два года.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, судебные решения оставила без изменения по следующим основаниям.

Ш. осужден за публичное оправдание терроризма, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

Как следует из заключений экспертов, соответствующих результатам оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, в размещенном Ш. в сети “Интернет” текстовом сообщении содержится информация, которая с лингвистической точки зрения оценивается как направленная на оправдание террористической деятельности по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды.

В постановлении о привлечении Ш. в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении при изложении существа предъявленного обвинения и обстоятельств, имеющих значение для данного уголовного дела, указано на совершение инкриминируемого ему деяния по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды.

Предъявленное обвинение, содержание которого составило названное обстоятельство, надлежащим образом разъяснено Ш., и он в полной мере был готов к защите от него.

При этом совершение преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды не указано в ст. 205² УК РФ в качестве признака преступления, в связи с чем исходя из положений ч. 2 ст. 63 УК РФ препятствий для признания данного обстоятельства в качестве отягчающего наказание, о чем в судебном заседании суда первой инстанции просил государственный обвинитель, не имелось.

Отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения указания на такое

отягчающее наказание Ш. обстоятельство, как совершение преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды, также не препятствовало суду признать наличие такового при установлении его в ходе судебного разбирательства, поскольку в силу ч. 1 ст. 299 УПК РФ лишь суд при постановлении обвинительного приговора по уголовному делу разрешает в том числе вопросы о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Окончательно вопрос о наличии таких обстоятельств, которые учитываются при назначении наказания, разрешается судом при постановлении приговора, о чем дается указание в его описательно-мотивировочной части (п. 3 ст. 307 УПК РФ).

При рассмотрении уголовного дела апелляционный военный суд в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 389²⁴ УПК РФ по доводам представления государственного обвинителя обоснованно признал отягчающим наказание обстоятельством совершение Ш. преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды, исключил из приговора указание о применении ч. 1 ст. 62 УК РФ и усилил наказание осужденному, приняв во внимание характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Определение № 223-УД25-21-А6

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос. Подлежит ли приостановлению государственная регистрация перехода права собственности с последующим отказом в совершении регистрационных действий в случае отсутствия нотариального удостоверения договора дарения доли в праве общей собственности на недвижимое имущество при отчуждении собственниками своих долей по одной сделке, а также в случае, когда один из участников долевой собственности становится единственным собственником объекта недвижимости?

Ответ. Требования к форме сделки и последствия ее несоблюдения предусмотрены ст.ст. 158—163 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 163 ГК РФ нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности. Нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, указанных в законе (подп. 1 п. 2 ст. 163 ГК РФ).

Пункт 3 ст. 574 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ) предусматривает, что договор дарения недвижимого имущества, заключенный между гражданами, подлежит нотариальному удостоверению. При этом закон не делает исключения из общего правила о нотариальном удостоверении договора дарения в отношении доли в праве общей собственности на недвижимое имущество.

Часть 1¹ ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” (введена Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 120-ФЗ) (далее — Закон о государственной регистрации) определяет, что сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество подлежат нотариальному удостоверению, за исключением, в частности, сделок при отчуждении или ипотеке всеми участниками долевой собственности своих долей по одной сделке (п. 1 ч. 1¹ этой же статьи).

В силу п. 2 ст. 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать названному Кодексу.

С учетом того, что требования к форме и содержанию договора дарения недвижимого имущества, заключенного между гражданами, определяются ст. 574 ГК РФ, положения иных законов, содержащих аналогичное регулирование, должны ей соответствовать.

Если нотариальное удостоверение сделки является обязательным, несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность (п. 3 ст. 163 ГК РФ).

Поэтому в случае отсутствия нотариального удостоверения договора дарения доли в праве общей собственности на объект недвижимости при отчуждении всеми участниками долевой собственности своих долей по одной сделке, а также в случае, когда в результате сделки один из участников долевой собственности становится единственным собственником объекта недвижимости государственная регистрация перехода права собственности приостанавливается с последующим отказом в совершении регистрационных действий (п. 13 ч. 1 ст. 26, ч. 1 ст. 27 Закона о государственной регистрации).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

1. Из Обзора судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г.), исключается пример № 24.

2. Из Обзора судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2024 г., исключаются:

а) пример № 10 (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 46-УД23-27);

б) пример № 11 (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 31-УД22-1-К6);

в) слова “Аналогичная правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой направленные на сбыт наркотических средств нескольким потенциальным приобретателям действия, которые выражались в расфасовке наркотических средств и размещении их в разных тайниках-закладках, следует рассматривать применительно к каждой закладке как отдельное преступление с самостоятельным конкретизированным умыслом, а в целом такие действия — как совокупность преступлений, предусмотренных статьей 228¹ УК РФ, содержится в кассационных определениях № 38-УД22-2-К1, № 38-УД23-7-А1, № 48-УД22-7 и др.”.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
22 декабря 2025 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Давыдов В.А. (главный редактор), Борисова Е.Е., Воронов А.В.,
Глазов Ю.В., Зателепин О.К., Крупнов И.В., Нефедов О.Н.,
Пчелинцева Л.М., Тимошин Н.В., Фаргиев И.А.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 04.05.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,20. Тираж 3426 экз. Заказ 32-2026.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
